

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Под редакцией П.А. Минакира

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2018

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE POPULATION OF THE RUSSIAN FAR EAST: PROBLEMS AND TENDENCES

Edited by P.A. Minakir

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2018

УДК: 314.72+314.74+911.37

Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции / Е.А. Бурлаев, В.Н. Дьяченко, Е.Л. Мотрич, Н.В. Фещенко / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. – 71 с.

ISBN 978-5-906118-38-7

Рассматриваются проблемы миграционных процессов на Дальнем Востоке России, влияние миграционной ситуации на динамику численности населения в регионе. Оцениваются риски для стабилизации населения в Дальневосточном округе. Приводятся данные о миграционной ситуации в отдельных дальневосточных субъектах РФ. Показано влияние разнонаправленных миграционных потоков на динамику населения в регионе: межрегиональных, со странами СНГ и дальним зарубежьем. Анализируются изменения в миграционной привлекательности экономических микрорайонов. Исследуется влияние внутрирегиональной миграции на формирование населенческого потенциала и обеспечения экономических агентов ресурсами труда на уровне субъекта РФ. Анализируются тенденции формирования населения, территориального распределения внутренней и внешней миграции, особенности формирования населения в сельских поселениях, новейшие факторы, влияющие на миграционное поведение.

Ключевые слова: субъекты РФ, динамика населения, миграция, возрастной состав мигрантов, концепция демографического развития, уровень жизни, поведение, микрорайоны, муниципальные образования, Дальний Восток России.

Редактор – академик *П.А. Минакир*
Рецензент – д-р экон. наук *О.М. Прокапало*

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-38-7

© Авторы, 2018

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2018

The Population of the Russian Far East: Problems and Tendences / E.A. Bur-laev, V.N. Dyachenko, E.A. Motrich, N.V. Feschenko / Edited by P.A. Minakir ; Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2018. – 71 p.

The problems of migration processes in the Far East of Russia and the impact of the migration situation on the dynamics of the population in the region are considered. The risks for the stabilization of the population in the Far Eastern Federal District are assessed. Data on the migration situation in some regions of the Far East are given. The influence of multidirectional migration flows on the dynamics of the population in the region is shown: interregional, with the CIS countries and the far abroad. Changes in the migration attractiveness of economic microdistricts are analyzed. The influence of intraregional migration on the formation of the population potential and provision of economic agents with labor resources at the level of the subject of the Federation is investigated. Tendencies of population formation, territorial distribution of internal and external migration, peculiarities of population formation in rural settlements, the newest factors influencing migratory behavior are reviewing.

Keywords: subjects of the Russian Federation, population dynamics, migration, age structure of migrants, concept of demographic development, living standards, behavior, microdistricts, municipalities, Far East of Russia.

Содержание

Предисловие	6
<i>Глава 1.</i> Миграция на Дальнем Востоке России: реальность и вызовы	9
<i>Глава 2.</i> Пространственная дифференциация условий жизни как фактор миграционной привлекательности	16
<i>Глава 3.</i> Конфликтность в сфере миграционных отношений: Хабаровский край	27
<i>Глава 4.</i> Демографический аспект трансформации сельских поселений: Амурская область	39
<i>Глава 5.</i> Привлекательность муниципальных образований для населения: Амурская область	53
Заключение	66
Литература	69

Contents

Preface	6
<i>Chapter 1.</i> Migration in the Russian Far East: reality and challenges	9
<i>Chapter 2.</i> Spatial differentiation of life conditions as a factor of migration attractiveness	16
<i>Chapter 3.</i> Conflicts in the migration sphere: Khabarovsk territory	27
<i>Chapter 4.</i> Demographic aspect of agricultural settlements: Amur territory	39
<i>Chapter 5.</i> Attractiveness of municipal settlements for people: Amur territory	53
Conclusion	66
References	69

Предисловие

В настоящее время необходимость развития восточных территорий обозначена среди четырех главных стратегических приоритетов государственной политики. Между тем, Дальний Восток России в постсоветский период характеризуется низким уровнем демографической устойчивости. Существующая диспропорция между численностью населения и огромной территорией в перспективе в условиях сложившихся тенденций демографического развития может существенно возрасти, что усилит определенную озабоченность возможным нарушением здесь геополитического равновесия. Поэтому не случайно еще на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2015 г. было подчеркнуто, что целью развития Дальнего Востока является реализация геополитической задачи закрепления населения: «Основу и силу экономики Дальневосточного региона будут создавать не огромные территории, не ресурсы. Основу будут составлять люди».

В предлагаемой читателю работе рассматривается сложившаяся динамика населения в постсоветский период, акцентируется внимание на влиянии естественного движения и миграционной ситуации на динамику численности населения в регионе. Не безосновательно излагается предположение о том, что в сложившихся социально-экономических условиях существуют риски для стабилизации населения в Дальневосточном округе, которые могут повлиять на достижение численности населения, предусмотренной «Концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2025 г.». Поэтому важно понимание современных проблем в формировании населения Дальнего Востока, которые изложены в настоящей работе. Особо подчеркнута значимость основных компонентов, влияющих на динамику населения – естественного воспроизводства населения и миграции. Особое внимание уделено роли миграционной ситуации в дальневосточных субъектах РФ, их участию в характере становления и развития демографического потенциала. В работе проанализировано влияние разнонаправленных миграционных потоков на динамику населения в регионе: межрегиональных, со странами СНГ и дальним зарубежьем. Понимание важности роли миграции, подвигло авторов показать не только возрастной состав всего населения, но и возрастной состав мигрантов, прибывших на Дальний Восток по различным потокам (из других регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья и выбывших в обратном направлении). На основе анализа различных аспектов демографического развития региона, авторы привели оценки возможных вариантов перспективной численности населения на Дальнем Востоке и сформулировали мероприятия, реализация которых может способствовать достижению предполагаемой численности населения в регионе.

В работе показана региональная специфика развития демографических процессов. На примере отдельных субъектов РФ проиллюстрирована существующая до сих пор и имеющая отрицательное значение межрегиональная миграция. Поэтому авторы обратили внимание на существенную значимость миграции для Дальневосточного региона в решении проблемы формирования населенческого потенциала и обеспечения хозяйствующих структур ресурсами труда.

Авторами уделено внимание постоянной и временной миграции, асимметрии в демографическом развитии муниципальных образований Приамурья, в том числе трансформации миграционной подвижности сельского населения на примере Амурской области. Поскольку социальное самочувствие является основополагающим фактором в закреплении населения, в работе уделено внимание пространственной дифференциации условий жизни как фактора миграционной привлекательности. В работе рассмотрены демографический аспект в тенденциях трансформации сельских поселений на примере Амурской области.

Поскольку все дальневосточные субъекты РФ привлекают трудовых мигрантов, то в работе на примере Хабаровского края отмечается, что местное население неоднозначно относится к проблемам привлечения мигрантов, их трудоустройству и взаимоотношениям с ними; дается оценка конфликтного и интеграционного потенциала в сфере миграционных отношений. Результирующий итог исследования показывает, что Хабаровский край, как практически и Дальневосточный регион в целом относится к территориям, не вызывающим особую тревогу по возникновению конфликтных ситуаций во взаимоотношении с мигрантами.

Объектом исследования авторов является население Дальневосточного федерального округа и субъектов РФ, входящих в его состав (Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ).

Источниками информации для подготовки работы стали материалы ФСГС РФ, краевых, областных и республиканских комитетов по статистике, публикации ведущих российских ученых в области демографии и миграции – А.И. Антонова, А.Г. Вишневого, Ж.А. Зайончковской, В.И. Переведенцева, Л.Л. Рыбаковского, С.В. Рязанцева, А.В. Топилина и др.

Не претендуя на исчерпывающее изложение проблем, касающихся демографического и миграционного потенциала региона, авторы хотели бы надеяться, что публикация данной работы позволит сформировать представление по основным проблемам формирования населения Дальневосточного федерального округа. Вместе с тем авторы будут благодарны читателям за замечания и конструктивные предложения для дальнейших исследований проблем в формировании и закреплении населения в регионе.

Монография подготовлена под редакцией академика РАН П.А. Минакира авторским коллективом в составе:

д-р экон. наук *Мотрич Екатерина Леонидовна*, Институт экономических исследований ДВО РАН (предисловие, глава 1, 3);

канд. филос. наук *Дьяченко Владимир Николаевич*, Институт экономических исследований ДВО РАН (глава 2, 4, 5, заключение);

канд. экон. наук *Фещенко Николай Васильевич*, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (глава 3);

Бурлаев Евгений Алексеевич, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области (глава 2, 4).

Глава 1

МИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫЗОВЫ

Социально-экономическое развитие государства и его отдельных территорий обуславливает необходимость роста численности населения, способного удовлетворять оптимальную потребность народно-хозяйственного комплекса в ресурсах труда, в том числе определенного профессионально-квалификационного уровня.

В настоящее время Дальний Восток России характеризуется низким уровнем демографической устойчивости. Существующая диспропорция между численностью населения и огромной территорией в перспективе в условиях сложившихся тенденций демографического развития может существенно возрасти, что усилит определенную озабоченность возможным нарушением здесь геополитического равновесия. Поэтому не случайно Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному собранию РФ еще в 2005 г. сказал: «...успех нашей политики во всех сферах жизни тесно связан с решением острейших демографических проблем»¹, поскольку демографическое развитие – один из показателей устойчивого развития государства и фактор его национальной безопасности. Для Дальнего Востока сохранение достаточной численности населения имеет огромное стратегическое значение. В настоящее время необходимость развития восточных территорий обозначена среди четырех главных стратегических приоритетов государственной политики. В 2007 г. В. Путин весьма четко обозначил стратегический поворот к развитию Дальнего Востока: «Дальний Восток всерьез и надолго». Поэтому целью развития Дальнего Востока является реализация геополитической задачи закрепления населения². Такая позиция была подчеркнута на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2015 г. – «Основу и силу экономики Дальневосточного региона будут создавать не огромные территории, не ресурсы. Основу будут составлять люди».

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию РФ // Тихоокеанская звезда. 2005. 27 апреля.

² Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных процессов на Дальнем Востоке России // Социологическое образование: достижения, проблемы и пути развития: сб. науч. тр. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2014. С. 160–166.

В июне 2017 г. была утверждена Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.¹, в которой указано, что стратегической целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 г. является стабилизация численности населения на уровне 6,2 млн чел. к 2020 г. и ее увеличение до 6,5 млн чел. к 2025 г.² Таким образом, демографическая политика Дальнего Востока должна обеспечить стабилизацию и увеличение численности народонаселения в субъектах РФ, входящих в состав ДФО.

Однако, исходя из существующей реальной динамики демографических процессов в регионе, можно предположить, что в этих расчетах содержатся определенные риски, обусловленные тем, что на 01.01.2016 г. относительно 2015 г. число жителей в регионе уменьшилось на 16 082 чел., а к началу 2017 г. – 12 290 чел. В 2016 г. все девять дальневосточных субъектов РФ продемонстрировали отрицательное миграционное сальдо. С 2017 г. началось еще и падение естественного воспроизводства населения³. Численность населения на 01.01.2017 г. составила 6184,5 тыс. чел. – 76,8% относительно 1991 г. – периода развала СССР⁴.

Казалось бы, что 2017 г. должен меть позитивные результаты для сохранения местного населения и притока жителей из других районов Российской Федерации благодаря привлеченным инвестициям на развитие региона (3,7 трлн руб.), появлению 86 новых предприятий, выданным 34 тыс. «дальневосточных гектаров»⁵. К сожалению, как явствует из имеющихся статистических данных, это не отразилось на демографической динамике Дальневосточного региона. Основной причиной сокращения численности населения остается миграция (табл. 1.1).

Приведенные данные свидетельствуют, что все территории ДФО, по которым приведены оперативные данные, теряют свое население в межрегиональной миграции. Дальний Восток, по существу, продолжает быть донором населения для других регионов России. В 2017 г. исключение составила только Сахалинская область, куда за десять месяцев приехало граждан больше (20,6 тыс. чел.), чем уехало (18,5 тыс. чел.). Из приведенных данных в таблице 1.1, можно увидеть, что в миграционных потоках Дальний Восток больше всего теряет за счет межрегиональной миграции, в которой заложены осмысленность и устойчивость проживания каждого отдельного индивидуума в определенных условиях. А устойчиво, по

¹ Концепция демографической политики дальнего Востока на период до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р.

² Там же.

³ Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153; Щербаков Д. Неостановленное бегство // Восток России. 2018. 24 января. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/> (дата обращения: январь 2018).

⁴ Население субъектов Российской Федерации. 2017. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: март 2017).

⁵ Щербаков Д. Неостановленное бегство // Восток России. 2018. 24 января. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/> (дата обращения: январь 2018).

Платону, только то, что связано с истиной реальностью. Приобщение к этой реальности выражает основную потребность всякого человека. Человек всегда ищет смысл, идеальную перспективу своего проживания на той или иной территории. Это в нем неистребимо. Дальневосточный же регион в постсоветское время потерял свою привлекательность для потенциальных мигрантов. Разница в среднедушевых доходах жителей ДФО с другими федеральными округами, повышенная стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг обуславливают попадание в первую двадцатку самых дорогих регионов страны¹.

Таблица 1.1

**Миграция в Дальневосточном федеральном округе
(январь – ноябрь 2017 г.), чел.**

Территория	Прибыло	Выбыло	Прирост/убыль	Миграция с другими регионами России**
Камчатский край	11 342	11 858	–516	Нет данных
Приморский край	69 496	74 863	–5367	–4656
Хабаровский край	51 468	55 323	–3855	–4038
Амурская область*	24 826	26 473	–1647	–2546
Магаданская область	7409	8535	–1126	–1419
Сахалинская область*	20 592	18 488	*2104	+424
ЕАО	4050	5763	–1713	–1727

Примечание: * – данные за январь – октябрь; ** – миграционная взаимосвязь с российскими регионами в общем миграционном потоке.

Источник: Щербаков Д. Неостановленное бегство // Восток России. 2018. 24 января. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/> (дата обращения: январь 2018); данные ФСГС (оперативные данные по Республике Саха (Якутия) и Чукотскому АО отсутствуют за исследуемый период).

Но можно отметить, что доля межрегиональной миграции в общем отрицательном миграционном сальдо несколько уменьшилась в последние годы: в 2015 г. составила 73,6%, в 2016 г. – 68,7%. Районами притяжения дальневосточников продолжают оставаться Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. В отрицательном миграционном потоке эти округа вобрали в себя в 2015 г. 62,0% мигрантов-дальневосточников, в 2016 г. – 63,0%. И это не случайно. Взять хотя бы один из значимых факторов для населения – реальную среднемесячную начисленную заработную плату, которая в 2016 г. составила по фе-

¹ Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 145; Рейтинг регионов по качеству жизни – 2016 / РИА РЕЙТИНГ. 2017. 20 февраля. URL: <http://riarating.ru/regions/20170220/630056195.html> (дата обращения: март 2017).

деральным округам: Центральному – 101,7% к предыдущему году, Северо-Западному – 101,2%, Южному – 100,0, Дальневосточному – 97,9%¹.

Большие показатели межрегиональной миграции перекрываются за счет внешней миграции и преимущественно стран СНГ, которые увеличили приток своего населения в отдельные территории Дальнего Востока, что означает постепенное замещение местного населения за счет мигрантов из стран СНГ. Особенно заметна эта ситуация прослеживается в Хабаровском крае и Амурской области. Но, тем не менее, стоит заметить, что результативность миграционного взаимодействия в целом со странами СНГ остается для Дальнего Востока практически на одном уровне. В 2015 г. на 100 чел. выбывших дальневосточников в страны СНГ приходилось 158 прибывших, в 2016 г. – 160 чел. Эти данные красноречиво отражают наличие масштабного холостого оборота в миграционных потоках и о достаточно низкой приживаемости мигрантов из стран СНГ, что свидетельствует о несоответствии ожидаемого с действительностью на территории вселения (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Миграционные потоки по территориям ДФО, чел.

Территория	Сальдо межрегиональной миграции		Сальдо со странами СНГ		Сальдо со странами дальнего зарубежья	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
ДФО	-32 816	-25 268	8207	9029	445	-1128
Республика Саха (Якутия)	-5802	-4810	419	658	-4	-1
Камчатский край	-2729	-2628	1029	733	37	90
Приморский край	-5197	-4452	2138	2115	268	-872
Хабаровский край	-6841	-4453	1637	2549	277	318
Амурская область	-4172	-3380	535	922	-131	-812
Магаданская область	-2647	-1758	920	1026	-4	-7
Сахалинская область	-2633	-1518	1334	80	5	151
ЕАО	-2088	-1675	78	69	-4	4
ЧАО	-707	-594	117	77	1	1

Источники: Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2015 г. / ФСГС. 2016. URL: http://www/gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: июль 2016); Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. / ФСГС. 2017. URL: http://www/gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращение: январь 2018).

Страны дальнего зарубежья, напротив, в 2016 г. сократили свое присутствие в дальневосточных субъектах РФ, что в наибольшей степени прослеживается в

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата / ФСГС. 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: январь 2018).

Приморском крае и Амурской области. Только Хабаровский край и Сахалин увеличили привлечение мигрантов из стран дальнего зарубежья.

Исходя из сложившейся миграционной ситуации, цель удержания населения, его стабилизация на уровне 6,2 млн чел. к 2020 г., как предусмотрено в концепции демографического развития Дальнего Востока, является труднодостижимой.

Сложившаяся миграционная ситуация в регионе, безусловно не ведет к улучшению качества человеческого капитала. Напротив, отток высококвалифицированных дальневосточников и молодежи может вызвать затруднения в обеспечении народного хозяйства рабочей силой и, как следствие замедление экономического роста в регионе (табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Возрастной состав мигрантов
в Дальневосточном федеральном округе**

Возраст	Всего	Из других регионов России	Из-за пределов России	Всего	Из других регионов России	Из-за пределов России
	2015			2016		
Прибывшие						
Всего	247 821	85 493	34 560	251 030	90 957	35 223
Моложе трудо- способного возраста	35 187	11 499	2370	37 604	12 587	2878
Трудоспособного воз- раста	193 725	66 918	30 637	1 933 051	70 432	30 687
Старше трудо- способного возраста	18 909	7076	1553	20 121	7938	1658
Выбывшие						
Всего	271 985	118 309	25 908	268 397	116 225	27 322
Моложе трудо- способного возраста	38 351	16 165	868	39 592	16 235	1218
Трудоспособного воз- раста	207 742	87 319	24 253	202 679	85 335	25 158
Старше трудо- способного возраста	25 892	14 825	787	26 126	14 655	946
Миграционное сальдо						
Всего	-24 164	-32 816	+8652	-17 367	-25 268	+7901
Моложе трудо- способного возраста	-3164	-4666	+1502	-1988	-3648	+1660
Трудоспособного воз- раста	-14 017	-20 401	+6384	-9374	-14 903	+5529
Старше трудоспособ- ного возраста	-6983	-7749	+766	-6005	-6717	+712

Источники: Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2015 г. / ФСГС. 2016. URL: http://www/gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: июль 2016); Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. / ФСГС. 2017. URL: http://www/gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращение: январь 2018).

Представленный статистический анализ миграционных потоков (в данном случае без выделения внутрирегиональной миграции) показывает, что сальдо миграции по всем возрастным группам во взаимодействии с регионами России, оставаясь отрицательным, снижается, но снижается и положительное миграционное сальдо внешней миграции, хотя оно и продолжает сглаживать во всех основных возрастных группах минусовое значение миграционных потоков из других регионов России и в какой-то мере поддерживать возрастную структуру населения (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Динамика возрастной структуры населения Дальнего Востока, чел.

Год	Все население	Население моложе трудоспособного возраста	Население в трудоспособном возрасте	Население старше трудоспособного возраста
2015	6 211 021	1 166 823	3 732 945	1 311 253
2018	6 162 927	1 218 935	3 451 706	1 382 286
2020	6 107 209	1 222 520	3 473 095	1 412 094
2025	6 037 408	1 192 548	3 393 142	1 451 718
2035	5 989 660	1 098 974	3 411 184	1 479 502

Источники: Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2015 г. / ФСГС. 2017. URL: http://gks.ru/bgd/regl/B15_111/main.htm (дата обращения: июнь 2017); 2018–2035 гг. – данные Росстата.

Приведенные в таблице 1.4 данные подтверждают возможные риски достижения численности населения в соответствии с принятой Концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2025 г. (правда, здесь можно отметить и начавшийся спад в естественном движении населения). Остановить миграционный отток населения с территорий Дальнего Востока предусматривается стимулированием внутренней (межрегиональной) миграции, из других регионов страны, на сокращение оттока населения из региона и, прежде всего, молодежи. Изменение возрастной структуры населения и ее перекося в сторону пожилого населения приводит к повышению нагрузки на трудоспособное население. Представляется, что исключить миграционный отток населения из региона возможно только в том случае, если будут реализовываться ожидания мигрантов относительно того, какие условия жизни и труда они найдут в месте нового вселения. В противном случае демографические проблемы могут привести к возникновению дефицита трудовых ресурсов в регионе и дальнейшему сокращению численности занятых в экономике.

В части приоритетной цели развития Дальнего Востока, считаем необходимым учесть следующее:

- вести постоянный мониторинг демографической ситуации на Дальнем Востоке (исследования позволят определить проблемные участки и соответствующим образом отреагировать на них компетентным органам);
- вести постоянный мониторинг миграционной ситуации на Дальнем

Востоке (это позволят определить проблемные участки и целенаправленно регулировать внешнюю миграцию);

- восстановить Закон о ветеранах и социальной поддержке пожилого населения (результаты такой работы позволят дальневосточникам чувствовать себя повсеместно такими же защищенными гражданами, как, к примеру, жители Москвы);

- рассмотреть вопрос о расширении географии и круглогодичном субсидировании перемещения дальневосточного населения авиа- и железнодорожным транспортом (население сможет спокойно передвигаться по стране и не чувствовать себя изолированным от деловых, культурных и духовных центров страны. Это будет способствовать сокращению оттока населения из региона);

- ввести стажевые надбавки к зарплате за выслугу лет работы на Дальнем Востоке (это позволит снизить межрегиональные различия в уровне и качестве жизни населения. Человек будет заинтересован жить и работать на Дальнем Востоке 10, 20 и более лет).

Глава 2

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Разработка программ социально-экономического развития периферийных муниципальных образований является одним из наиболее важных направлений государственного регулирования, определяющих перспективы развития страны, снятия наиболее болезненных последствий территориальных диспропорций.

Различия в природно-климатических условиях, географическом положении, структуре экономики и инфраструктурной обеспеченности определяют значительную дифференциацию регионов и внутрирегионального пространства. Учет этих особенностей, закономерностей пространственного развития является необходимым условием обеспечения эффективности принимаемых управленческих решений.

Среди факторов, определяющих миграционную привлекательность поселений, на наш взгляд, недостаточное внимание уделяется тем элементам условий жизни, которые определяются положением населенных пунктов в системе расселения региона. В их числе представляется необходимым выделить природно-климатические характеристики места расположения, что особенно важно в условиях Дальнего Востока, где в рамках одного субъекта РФ имеются районы юга региона, комфортность природно-климатических условий которых наиболее благоприятны для проживания и позволяют обеспечивать высокий уровень сельскохозяйственной освоенности. В то же время другая часть административно-территориальных образований отнесена к районам Крайнего Севера.

Для городской и тем более сельской периферии региона представляется важным учитывать не только уровень их собственного развития, но и их положение в расселенческой структуре, определяющей доступность услуг, предоставляемых в региональных центрах обслуживания населения.

При разработке типологий муниципальных районов региона мы ориентировались на реализацию принципиального подхода, предложенного Т.И. Заславской при типологизации сельских населенных пунктов, когда определяющими считаются признаки, имеющие наибольшую социальную значимость¹. В их числе мы

¹ Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. С. 23.

акцентировали внимание на признаках, характеризующих условия жизни в муниципальных образованиях, определяемых положением в системе расселения региона, оказывающих влияние на демографические процессы, миграционную привлекательность территории.

Демографические процессы в Амурской области претерпела значительные трансформации. Со второй половины прошлого века складывающийся рост численности населения сменился в конце 1980-х гг. на устойчивое уменьшение числа жителей, связанное главным образом с оттоком населения. В нулевые годы кризисные процессы стали иметь устойчивую тенденцию к затуханию, которая, однако, не содержала в себе признаков изменения тенденции. Доминирование процессов, приводящих к формированию отрицательного сальдо миграции, продолжает сохраняться и в настоящее время¹.

Как свидетельствуют полученные данные, в современный период сохраняется значительная дифференциация демографических процессов, происходящих в административно-территориальных образованиях области. Так, за период 2000–2016 гг., наряду с ростом численности населения в областном центре и прилегающем к нему районе, составившим соответственно 102,6 и 133,7%, потери численности населения в Архаринском районе составили 32,5%, Ромненском – 33,4%, в Завитинском – 34,6%.

Соответственно складывается ситуация и с миграцией населения. При положительном значении коэффициента сальдо миграции (прибывшие – выбывшие) на 1000 чел. среднегодовой численности населения в Благовещенске и Благовещенском районе, в Белогорске, Свободненском и Константиновском районе он составил соответственно –2,9, –3,6, –4,5‰. В то же время в Бурейском, Архаринском и Ивановском районах он составил соответственно –22,0, –22,6 и –24,4‰.

Отмечаемая дифференциация является следствием складывающихся различий в миграционных потоках как по прибытию, так и выбытию. Коэффициент интенсивности по прибытию в пятилетний период 2012–2016 гг. был существенно выше средних по региону значений в Благовещенском (94,0), Свободненском (75,8) и Серышевском (73,8) районах. Существенно ниже средних значений коэффициент прибытия был в Тындинском (15,4), Селемджинском (17,6), Ромненском (18,4), Шимановском (18,5) и Мазановском (19,3) районах.

Коэффициент интенсивности миграции по выбытию был наиболее высоким в Свободненском (79,4) и Серышевском (86,9) районах. Наиболее низкие значения имелись в Шимановском (24,7), Константиновском (25,4), Ромненском (26,3) и Мазановском (28,5) районах.

¹ Дьяченко В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами. 2016. № 9 (91). С. 26; Дьяченко В.Н. Современные тенденции трансформации процесса заселения Приамурья // Наука – XXI век : сб. мат-лов междунар. науч. конф. 2015. С. 167–177.

При общей низкой привлекательности региона как места постоянного жительства, проявляющейся в миграции населения, отдельного внимания заслуживает оценка привлекательности административно-территориальных образований как места временного пребывания. Наибольший интерес вызывает Свободненский район (21,0) и г. Благовещенск (17,3), а также в Михайловский (14,0), Серышевский (13,3), Благовещенский (11,3) и Октябрьский (10,7) районы. Наименьшей была интенсивность по прибытию как к месту пребывания в Тындинском (1,5), Ромненском (2,1), Мазановском (2,3), Сковородинском (3,3) районах и г. Тында (2,6).

Наличие столь значительной дифференциации повышает значимость оценки факторов ее определяющих. В их числе те, которые характеризуют особенности условий жизни, определяемые положением в пространственной системе расселения региона. Учитывая необходимость не только формирования подходов к управлению каждым отдельным административно-территориальным образованием, но и выработки типовых решений, рассмотрим дифференциацию миграционной привлекательности в рамках трех типологий: типологии экономических микрорайонов, типологии по природно-климатическим условиям и типологии по условиям жизни, определяемым положением в системе расселения региона.

Амурская область относится к числу субъектов РФ с одним из самых высоких уровней контрастности природно-климатических условий.

На территории области можно выделить четыре природно-климатические зоны: южная, центральная, горно-таежная и северная. Будучи по площади приблизительно равной Германии или Японии, область имеет протяженность с севера на юг 750 км (по автодорогам от Тынды до Архары – 1050 км, это 15–20 часов езды на автомобиле). С северо-запада на юго-восток область вытянута на 1150 км.

В северной зоне расположены административно-территориальные образования, приравненные к районам Крайнего севера. Деятельность проживающего здесь населения связана с золотодобычей, лесозаготовками, охотой, обслуживанием железнодорожных путей и линий связи, строительством промышленных объектов и т. д.

В центральной и южной зонах развитие получила обрабатывающая промышленность. Здесь более благоприятные условия для занятия сельскохозяйственным производством. Основными хозяйствующими субъектами являются предприятия сельского хозяйства, крестьянско-фермерские хозяйства и хозяйства населения. Здесь расположено 422 сельских населенных пункта (70% от их общего числа), в которых проживает 196,0 тыс. чел., или 73% сельского населения.

Демографические процессы со второй половины прошлого века в природно-климатических зонах области складывались с существенными различиями. Происходящий в 1959–1989 гг. общий рост численности населения области в течение всего периода обеспечивался за счет увеличения числа жителей в городах и муниципальных районах, расположенных в южной и центральной зонах (рис. 2.1).

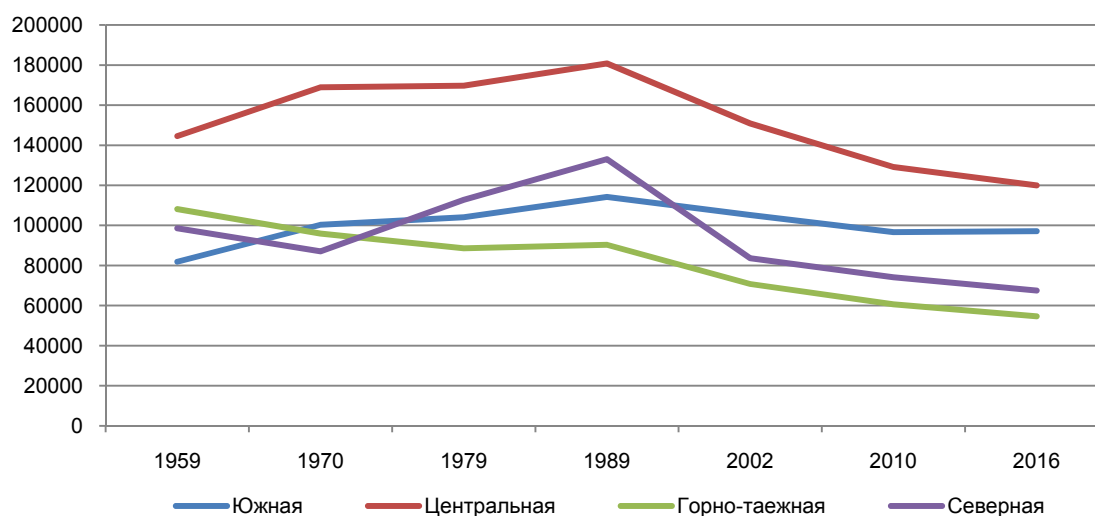

Рис. 2.1. Изменения численности населения по природно-климатическим зонам Амурской области (1959–2010 гг. – по итогам переписей населения, 2016 г. – на начало периода)

В северной зоне в период между переписями 1959 и 1970 гг. численность населения уменьшилась на 11,7%, а в горно-таежной зоне на 11,3%. В следующий межпереписной период (1970–1979 гг.) снижение численности населения продолжилось уже только в горно-таежной зоне области. Настоящий бум роста численности населения в этот период переживали административно-территориальные образования (АТО) северной зоны, где в связи со строительством БАМа численность населения в целом по зоне в 1979 г. составила 129,6% к уровню 1970 г., а в Тындинском районе и г. Тында увеличилась многократно.

Следующий межпереписной период (1979–1989 гг.), когда во всех природно-климатических зонах сохранялся незначительный по размерам рост численности населения, сменился крупномасштабным оттоком населения, оказавшимся наиболее значительным на севере региона, что было обусловлено, прежде всего, окончанием строительства БАМа и в горно-таежной зоне. В следующие периоды динамика потерь численности населения во всех природно-климатических зонах стала сглаживаться, а в южной зоне, в связи со значительным увеличением численности населения в пригородном Благовещенском районе, стал обозначаться незначительный рост.

Сравнение ситуации, складывающейся в муниципальных районах, расположенных в разных природно-климатических зонах показывают, что *интенсивность миграции* в период 2012–2016 гг. и по прибытию, и по выбытию наиболее велика в центральной части региона. Коэффициент прибытия здесь составил 76,9, а выбытия – 100,8. В тоже время в южной зоне он был по прибытию 32,7, а по выбытию 31,3, а в северной зоне соответственно 5,2 и 8,3. Эти различия нашли свое отражение в показателях коэффициента сальдо миграции. В центральной зоне на 1000 чел. среднегодовой численности населения миграционные потери состави-

ли – 23,8, в горно-таежной – 12,0, в северной – 3,1, а в южной зоне сложилось положительное сальдо – 1,4.

Такое соотношение показателей сохранялось и среди меняющих место жительства с регистрацией на новом месте жительства, возвращающихся к месту жительства после временного пребывания и прибывших к месту временного пребывания (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Интенсивность миграции в природно-климатических зонах региона
в 2011–2015 гг.**

Зона	Коэффициент эффективности миграции	Коэффициент миграции по прибытию	Коэффициент миграции по выбытию	Коэффициент миграционного оборота	Коэффициент миграционного сальдо
Южная	0,00	41,3	41,3	82,5	0,0
Центральная	–15,63	36,0	49,3	85,4	–13,3
Горно-таежная	–23,74	26,5	42,9	69,4	–16,5
Северная	–24,83	25,2	41,9	67,1	–16,7

Источник: рассчитано авторами по материалам Амурстата.

Представляется, что высокий уровень миграционной активности в центральной зоне региона определяется, прежде всего, влиянием крупных новостроек, в числе которых строительство космодрома, Бурейской и Нижнебурейской ГЭС.

Увеличение показателей в южной зоне сложилось под влиянием масштабов миграции в Благовещенском районе, где коэффициент интенсивности миграции составил 94%, против 23,8% в сельскохозяйственном Тамбовском районе.

В северной и горно-таежной зоне стабилизирующим фактором выступает связь поселений с обслуживанием железнодорожного транспорта.

Подводя итог проведенному анализу следует отметить, что при всей значимости влияния природно-климатических различий на миграционную привлекательность территории, экономические процессы доминируют.

На миграционную привлекательность мест проживания населения оказывает влияние, наряду с природно-климатическими условиями и экономическим потенциалом, уровень развития социальной инфраструктуры, обеспеченность населения услугами здравоохранения, образования, культуры, использования свободного времени.

Оценивая региональную ситуацию, следует в первую очередь отметить, что одной из важнейших характеристик сложившейся системы сельского расселения является мелкоселенность, ограничивающая возможности развития сферы услуг непосредственно в периферийных поселениях. На селе относительный полный

набор учреждений повседневного обслуживания можно создать только в населенных пунктах с более чем 1 тыс. жителей. В более мелких поселениях будут только отдельные учреждения (магазины, ФАПы и др.), а в большинстве сельских населенных пунктов вообще нет никаких учреждений обслуживания. Эпизодические и большинство периодических услуг сельским жителям предоставляются в районных центрах. Тем самым, степень комфортности мест проживания для сельских жителей определяется не только условиями жизни непосредственно в местах проживания, но и пространственными ограничениями в уровне и доступности услуг, предоставляемых в региональных центрах обслуживания населения.

В этом находит выражение ступенчатый характер развития элементов социальной инфраструктуры, формирование которой осуществляется по уровням территориальных образований от населенного пункта, центра муниципального образования, муниципального района, межтерриториального формирования, центра субъекта федерации, федерального округа, общенациональных структур.

Значимость этих связей нашла свое отражение в теориях и концепциях пространственного развития (теория «центр – периферия», концепция полюсов роста, новая экономическая география, теория городской агломерации и др.), в которых отмечается, что близость к городу является одним из наиболее существенных факторов, детерминирующих развитие сельских территорий.

При этом теория центральных мест акцентирует внимание на роли населенных пунктов в качестве центров обслуживания населения окружающей территории. Согласно этой теории, населенные пункты различных размеров образуют иерархически соподчиненную систему центральных мест.

Для оценки уровня доступности услуг методической основой служит положение, высказанное Дж. Фридманом и В. Алонсо, о том, что периферия имеет следующую структуру: внутреннюю область (ближнюю), тесно связанную с ядром, которая получает от последнего импульсы к развитию; внешнюю (дальнюю), на которое ядро практически не оказывает серьезного влияния¹.

В развитие этих представлений в пространственном развитии сельской местности регионов выделяют: ближнюю периферию, срединную периферию, дальнюю (автономную периферию)². Доступность услуг, предоставляемых в центрах обслуживания населения (ЦОН) определяется уровнем развития этих центров и отдаленностью сельских поселений, уровнем развития коммуникационных и транспортных сетей. Наибольшее влияние на сельскую периферию оказывают крупнейшие города, что предполагает необходимость в рамках ближней периферии учитывать те районы, которые испытывают наибольшее агломерационное влияние.

¹ Regional Development and Planning / Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge: MIT Press, 1964. 722 p.

² Татаркин А.И. Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 21–39.

Важнейшую роль в обслуживании населения играет областной центр, выполняющий роль общерегионального центра обслуживания населения (ОРЦОН). В нем сосредотачиваются общерегиональные элементы социальной инфраструктуры и наиболее широкий спектр структур, производящих услуги населению, формируя максимально возможный в системе расселения региона уровень комфортности проживания. На его территории размещаются научно-исследовательские институты, конструкторские и проектные фирмы, средние специальные учебные заведения и вузы. Здесь же формируется развитый комплекс объектов эпизодического и специального обслуживания (специализированные поликлиники, больницы, школы, библиотеки, стадионы областного значения, театры, филармонии, музеи и т. п.).

Районные центры, являются локальными центрами обслуживания населения (ЛЦОН). В районных центрах сосредотачиваются важнейшие муниципальные органы управления, выполняющие многие административные функции включающие руководство работой учреждений, обслуживающих культурно-бытовые нужды населения района – сетью школ, клубов, библиотек, больниц, торговой сетью и заготовительными пунктами и т. д. При этом, как правило, наиболее крупные, базовые учреждения такого рода располагаются именно в районном центре.

Местные центры обслуживания населения (МЦОН), включающие в себя центры сельских администраций; группы рядовых периферийных сельских поселений, практически (или почти) не имеющих обслуживающих функций. Различия в уровне развития комплекса социальной инфраструктуры райцентра определяют ограничения в доступности спектра услуг предоставляемых жителям района.

Для оценки влияния различий в условиях жизни, определяемых положением мест проживания в системе расселения региона, нами была сформирована типология, в рамках которой учитывалась удаленность от регионального центра обслуживания населения (областного центра) и степень развитости локальных центров обслуживания населения.

При сложившейся структуре районных центров выделяются: районы, центром которых являются наиболее крупные города региона (города-лидеры), имеющими высокий уровень развития комплекса социальной инфраструктуры (ВЛЦОН); районы, центром которых выступают малые города (города-аутсайдеры) и крупные поселки городского типа, имеющие средний уровень развития социальной инфраструктуры (СЛЦОН); районы, центром которых являются мелкие поселки городского типа и села с низким уровнем развития социальной инфраструктуры (НЛЦОН).

В качестве критерия доступности для жителей периферийных поселений услуг, предоставляемых общерегиональными элементами социальной инфраструктуры, нами принят показатель удаленности районного центра от областного центра. Чем удаленней райцентр, тем выше ограничения доступа населения к использованию возможностей, предоставляемых самым развитым в регионе комплексом социальной инфраструктуры, концентрирующим учреждения общерегионального

значения. В соответствии с этим нами выделяется ближняя периферия (БП), срединные районы (СП) и дальняя периферия (ДП).

В итоге группировка районов Амурской области, входящих в приграничные территории, по степени благоприятности природных и социально-экономических условий жизни приобрела следующий вид:

- пригород областного центра;
- ближняя периферия, с низкоразвитыми ЦОН;
- среднеудаленная периферия с высоким уровнем развития ЦОН;
- среднеудаленная периферия с среднеразвитым ЦОН;
- среднеудаленная периферия с низкоразвитым ЦОН;
- дальняя периферия, примыкающая к развитым ЦОН;
- дальняя периферия, примыкающая к среднеразвитым ЦОН;
- дальняя периферия, примыкающая к низкоразвитым ЦОН.

Судя по изменениям численности населения в типах АТО по размерам и уровню услуг, предоставляемых различными ЦОН, их привлекательность как мест постоянного проживания существенно дифференцирована (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Изменения численности населения в типах АТО по размерам и уровню доступности услуг, предоставляемых ЦОН, %

Типы АТО по уровню доступности услуг ЦОН	1970/ 1959	1979/ 1970	1989/ 1979	2002/ 1989	2010/ 2002	2016/ 2010	2016/ 1989
Пригород областного центра	138,2	117,0	117,0	102,6	105,2	125,4	135,3
Ближняя периферия, с низкоразвитыми ЦОН	120,9	103,4	108,7	93,6	90,2	93,4	78,8
Среднеудаленная периферия с высоким уровнем развития ЦОН	113,5	97,5	105,0	83,3	89,5	95,1	70,9
Среднеудаленная периферия с среднеразвитым ЦОН	117,9	101,6	108,7	84,6	84,9	92,3	66,3
Среднеудаленная периферия с низкоразвитым ЦОН	119,8	100,0	104,2	81,8	85,1	94,0	65,4
Дальняя периферия, примыкающая к развитым ЦОН	89,4	168,2	133,9	53,7	87,7	89,2	42,0
Дальняя периферия, примыкающая к среднеразвитым ЦОН	84,7	96,8	94,8	79,4	85,6	92,0	62,5
Дальняя периферия, примыкающая к низкоразвитым ЦОН	94,7	100,4	115,4	72,0	89,2	90,0	57,8

Источник: рассчитано авторами по материалам Амурстата.

На протяжении всего современного периода с 1989 г. по 2016 г. только в районе, непосредственно примыкающем к областному центру, численность населения увеличивалась. Различия между другими типами АТО складывались лишь по размерам потерь. Наименьшее сокращение численности населения произошло в сельских районах, находящихся в наибольшей близости к областному центру, районными центрами в которых являются низкоразвитые ЦОН (78,8%). Сравнение потерь численности населения в этом типе районов с потерями в районах, имеющих низкий уровень развития ЦОН, но расположенных в среднеудаленной и дальней периферии (65,4 и 57,8%), на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что эти различия складываются во многом из-за удаленности от областного центра, влияние которого на демографическую ситуацию в отдаленных районах утрачивается.

Следует отметить, что областной центр имеет для населения периферии наиболее высокую привлекательность не только как центр обслуживания населения, где предоставляется наиболее широкий спектр услуг с наиболее высоким в регионе их качеством, но и как потенциальное место жительства, имеющее наибольшую миграционную привлекательность и способное втягивать население периферии.

Происходящие позитивные процессы в стране способствовали росту миграционной емкости крупных городов и повышению доли населения, благосостояние которых увеличивает их миграционный потенциал и делает его достаточным для принятия решения о переселении. Как свидетельствуют полученные данные, наиболее сильно это сказывается именно на районах, являющихся ближней периферией к областному центру, в которых районными центрами являются небольшие по размерам села с низким их уровнем как центров обслуживания населения. В итоге, по коэффициенту прибытия и коэффициенту миграционного сальдо они в последнее пятилетие (с 2012 по 2016 г.) сравниваются с районами дальней периферии, имеющими низкий уровень развития ЦОН. Наименьший коэффициент миграционного сальдо в регионе складывается в этот период в среднеудаленных районах с низкоразвитыми ЦОН (–7,3). При низком коэффициенте прибытия (25,7), это свидетельствует о сочетании низкой миграционной привлекательности районов с низким миграционным потенциалом населения (*табл. 2.3*).

Отдельного внимания заслуживают районы дальней периферии с развитыми ЦОН. Потери численности населения за период 1989–2016 гг. здесь оказались не только самыми значительными в регионе, но и очень большими по своим размерам, составив 58%. Доминирующую роль в демографических процессах в этих районах сыграло окончание строительства БАМа, сопровождающееся свертыванием и передислокацией строительных организаций. Следует при этом отметить, острота проблем с жильем и занятостью в этих районах, как и в их районных центрах сохраняется, приводя к оттоку населения.

Таблица 2.3

**Миграция населения в типах АТО по размерам и
уровню доступности услуг в 2012–2016 гг.**

Типы АТО по уровню доступности услуг ЦОН	Коэффициент прибытия	Коэффициент выбытия	Коэффициент сальдо миграции
Пригород областного центра	94,0	39,1	54,9
Ближняя периферия, с низкоразвитыми ЦОН	27,7	42,7	–14,9
Среднеудаленная периферия с высоким уровнем развития ЦОН	53,3	64,5	–11,2
Среднеудаленная периферия с средне-развитым ЦОН	41,2	55,4	–14,2
Среднеудаленная периферия с низкоразвитым ЦОН	25,7	33,1	–7,3
Дальняя периферия, примыкающая к развитым ЦОН	26,2	43,2	–17,1
Дальняя периферия, примыкающая к низкоразвитым ЦОН	26,0	37,3	–11,3
Дальняя периферия, примыкающая к среднеразвитым ЦОН	24,3	39,1	–14,7

Источник: рассчитано авторами по материалам Амурстата.

В целом следует отметить, что размеры и уровень доступности услуг предоставляемых ЦОН, играют важную роль не имеющую, однако, во многих случаях доминирующего характера. Проведенный анализ позволяет выявить значительное влияние на привлекательность жизни в поселениях региона дифференциации условий жизни, определяемых их положением в системе расселения.

Полученные на основе использования типологий сельских территорий итоги анализа дифференциации привлекательности АТО региона как мест постоянного проживания подтверждают дифференцированный подход к управлению социально-экономическим развитием сельских территорий региона.

Дифференциация природных условий для жизни населения, приобретает наибольшее значение в направлении север – юг, подтверждая необходимость выделения северных АТО в качестве отдельного объекта региональной политики.

Миграционные процессы далеко не всегда вписываются полностью в представления, следующие из теории. Центро-периферийные взаимодействия складываются зачастую иначе, когда экономическое развитие происходит наиболее интенсивно в периферийных структурах, становящихся центрами наибольшей миграционной привлекательности. В частности это определяется размещением новых производств.

Высокий уровень привлекательности областного центра является следствием действия агломерационного эффекта, как одного из важнейших механизмов пространственного развития по оси «центр – периферия».

Региональные районные центры существенно различаются по способности выполнять роль центров обслуживания населения прилегающих населенных пунктов. Наибольшее влияние на прилегающие территории оказывают крупные средние города, значительно ниже потенциал мелких городов и крупных рабочих поселков, еще слабее эта роль выражена в сельских поселениях, являющихся районными центрами, что существенно снижает уровень устойчивости системы расселения региона.

Важно учитывать, что возможности ряда районных центров выполнять свою роль центров обслуживания населения прилегающих сельских поселений, из-за низкого экономического и социального потенциала существенно ограничены. Сам факт проживания на территории этих районов ставит население в ситуацию социального неравенства. Это отрицательно сказывается на привлекательности районов для проживания, стимулируя отток населения. Развитие их потенциала в предоставлении услуг населению районов является одним из наиболее значимых направлений пространственной политики в регионе.

Слабость влияния локальных центров на поселения районов является одним из важнейших факторов превращения удаленных поселений в «медвежьи углы», теряющие устойчивость и прекращающие свое существование.

Выделенные типы АТО по уровню развития и степени доступности услуг локальных центров обслуживания населения могут выступать как объекты государственной пространственной политики, обеспечивающие реализацию дифференцированного подхода к организации управления в регионе.

Глава 3

КОНФЛИКТНОСТЬ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

Межрегиональная миграция для Хабаровского края все постсоветские годы имеет отрицательное значение, являясь существенным фактором формирования населенческого потенциала и обеспечения хозяйствующих структур ресурсами труда. Однако местное население неоднозначно относится к проблемам привлечения мигрантов, их трудоустройству и взаимоотношениям с ними. Возникающие конфликты на почве миграции могут существенно осложнить формирование постоянного населения. В каждом субъекте РФ степень потенциальных конфликтов определяется многообразными историческими, этническими и социально-экономическими обстоятельствами. Определение этой степени предполагает регионально ориентированные специальные исследования.

В Хабаровском крае в мае 2017 г. проведен опрос населения г. Хабаровска и близлежащих населенных пунктов по проблемам миграции¹. Целью массового опроса была «Оценка конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений». В проведенном массовом опросе приняли участие 300 местных жителей 18 лет и старше, постоянно проживающих в г. Хабаровске и сельских местностях Хабаровского района. Были опрошены респонденты в возрасте 18–29 лет (70 чел., в том числе 37 мужчин и 33 женщины), в возрасте 30–59 лет (159 чел., в том числе 76 мужчин и 83 женщины) и в возрасте 60 лет и старше (25 чел. мужчин и 46 – женщин). Кроме того, три ответа (1%) получено от лиц в возрасте до 18 лет. В составе респондентов были жители краевого центра – г. Хабаровск в разных его территориальных частях: Железнодорожном, Центральном, Краснофлотском, Индустриальном районах. В опросе были охвачены предместья, расположенные в транспортной доступности к краевому центру, в том числе опрошено 11 чел в с. Березовка, по 8 чел. в с. Тополево п. Корфовский, по 2 чел. в с. Матвеевка и Некрасовка и 1 чел. г. Советская Гавань. Таким образом, состав респондентов городских жителей – 268 чел. – 89,3%. Число респондентов предместий составило 32 чел. – 10,7% от общего числа принявших участие в опросе.

Из 300 респондентов, согласно выборочной квоте, мужчины составили 46%, женщины 54%. Преобладающая часть опрошенных по самоидентификации русские – 94%, украинцы 2%, армяне – 1,5%, азербайджанцы – 1,5%, евреи – 1%. При

¹ По методике Сети этномониторинга Института этнологии и антропологии РАН.

этом указали свою одну национальность 97% респондентов и 3% сказали, что обладают двумя и более национальностями. Среди респондентов 41% имеют среднее специальное образование, подтвержденное дипломом; 25% имеют высшее образование, включая ученую степень, бакалавриат и магистратуру; 22% – среднее образование, получившие аттестат зрелости; у 11% – незаконченное высшее образование (либо обучаются в университетах, институтах, либо имеют справку об уровне прохождения обучения). Респонденты, независимо от своего уровня образования общаются с трудовыми мигрантами разной периодичности. Среди них есть те, кто общается либо ежедневно (от 21 до 38%), либо каждую неделю (24–48%), либо только ежемесячно (25–50%). Но 72% респондентов с различным уровнем образования никогда не общаются с трудовыми мигрантами. Среди них порядка 9% пенсионеров, 19% тех, кто работает и учится. В числе респондентов оказалось 52% работающих, 5% обучающихся в высших и средних специальных заведениях, 5% работающих и одновременно обучающихся в ВУЗах или средних специальных учебных заведениях, 17% пенсионеров и 15% безработных, около 4% занимающихся личным хозяйством (это преимущественно респонденты предместий г. Хабаровска). Не указали рода своей деятельности около 7% респондентов.

В Хабаровском крае на начало 2017 г. проживало 1334,2 тыс., что составляет 82,4% относительно 1991 г., когда была зафиксирована максимальная численность населения – 1619,7 тыс. чел. Межрегиональная миграция для Хабаровского края все постсоветские годы имеет отрицательное значение. Поэтому миграция населения для края является существенным элементом проблемы формирования населенческого потенциала и обеспечения хозяйствующих структур ресурсами труда. Вполне вероятно, что определенной притягательной силой будут обладать в крае территории опережающего развития (ТОР), которые в условиях ограниченного контингента местных трудовых ресурсов будут заинтересованы в привлечении рабочей силы. Примером может служить опыт КНР, где в приморских городах, экономика которых ориентирована на экспорт трудоемкой продукции, доля мигрантов достигает 70–80% от общей численности рабочей силы, способствуя приросту населения¹.

Отрицательное миграционное сальдо с российскими регионами в некоторой степени нивелирует положительное сальдо миграции с ближним зарубежьем. В этой ситуации можно предположить, что Хабаровский край, как и другие территории Дальнего Востока, с целью увеличения численности населения, прежде всего, в трудоспособном возрасте, воспользуется миграционным взаимодействием со странами СНГ, отрицательное сальдо с которыми в 2010 г. трансформировалось в положительное и дало Хабаровскому краю в 2011 г. 1295 чел., в 2015 г. 1637 чел., в 2016 г. 2549 чел.²

¹ Изотов Д.А., Мотрич Е.Л. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61–83.

² Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г. / ФСГС. 2016. С. 4, 47, 50. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: январь 2018).

Испытывая недостаток в трудовых ресурсах, Хабаровский край привлекает иностранную рабочую силу. Приезжают в основном неквалифицированные работники или низкой квалификации. Поэтому не случайно местные жители считают, что иностранных работников следует привлекать для работы по уборке и другим услугам в жилищно-коммунальном хозяйстве. Среди десяти сфер возможного приложения труда 86% всех опрошенных считают, что именно здесь могут быть заняты трудовые мигранты. Но у 90% кто может быть занят в этой отрасли, пусть редко, но есть опасения потерять работу – так считают участники опроса. Другой предпочтительной сферой приложения труда иностранных рабочих респонденты считают их занятость в строительстве и дорожных работах (75% от общего числа ответов). Здесь возможны, по предположению респондентов, редкие опасения потерять работу в 80 случаях из 100. 56% от общего числа участников опроса считают целесообразным занятость иностранных трудовых мигрантов в сельском хозяйстве. Редкие опасения потерять работу здесь могут возникнуть только у каждого второго. 43% всех респондентов считают возможным использовать иностранную рабочую силу в кафе, ресторанах и гостиницах, но здесь тоже до 40% работников могут, пусть редко, находиться под стрессом возможности потери рабочего места. Значительная доля участников опроса (37%) полагают, что сферой занятости из числа основных профессий для мигрантов может быть торговля, в которой тоже возможны редкие случаи потери работы. Заметная доля респондентов (17%) отметила, что трудовые мигранты могут быть заняты на работах по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.), они предположительно реже других могут находиться в опасении потери работы (14%). Из ответов следует, что более предпочтительными для мигрантов являются шесть из перечисленных выше профессий. Однако стоит констатировать, что респонденты зачастую были в затруднении представить, в каких отраслях занятости трудовые мигранты редко или часто могут быть под стрессом возможной потери рабочего места. Таким образом, респонденты считают (58%), что следует направлять трудовых мигрантов на более предпочтительные для них профессии, и 39% – на менее предпочтительные.

Все 100% респондентов ответили на вопрос о необходимости или ненужности использования труда мигрантов. Никто не отозвался на то, что труд мигрантов в крае совершенно не нужен. Напротив, анкетный опрос говорит о том, что в целом местное население считает, что труд мигрантов необходим для края (99% от числа участников опроса). Вместе с тем пятая часть респондентов (20%) уверена в том, что мигранты отнимают рабочие места у местных жителей. Среди тех, кто так утверждает, 22% женщин – респондентов и 19% мужчин. Но большая часть респондентов (54%) утверждает, что мигранты занимают те рабочие места, которые являются непривлекательными для местных трудовых ресурсов. Именно такого мнения придерживается 51% ответивших женщин и 57% мужчин. Здесь можно видеть два момента: почти четверть респондентов (24%) считают, что, с одной стороны, трудовые мигранты, если они владеют определенной квалифика-

цией, занимают рабочие места, где могли бы работать местные жители, но, с другой стороны, приезжие идут на те рабочие места, которые свободны, а местное население их не устраивает по каким-то позициям (заработная плата, транспортная доступность, условия труда др.). Солидарны с таким выводом 27% женщин и 20% мужчин. Стоит заметить, что все трудоспособные жители г. Хабаровска обеспечены работой. Уровень безработицы в Хабаровске составляет всего 0,38%. На 6717 вакансий в центре занятости официально зарегистрированы 1310 безработных. То есть сейчас 5,1 вакансии приходится на одного безработного¹.

Практически все респонденты отозвались на вопрос о частоте общения с мигрантами. С иностранными трудовыми мигрантами 93% хабаровчан и 7% близлежащего к городу с. Тополево общаются практически ежедневно. Среди респондентов, кто общается с трудовыми мигрантами ежедневно, 93% поддерживают такое общение уже свыше 10 лет; у 7% респондентов такое общение пока менее 10 лет. Третья часть (30%) от числа опрошенных общается с трудовыми мигрантами каждую неделю, четверть – каждый месяц, а 24% из числа опрошенных очень редко. У 11% такого общения вообще нет. Но зато общение местных жителей г. Хабаровска и близлежащих к нему поселений с мигрантами происходит довольно часто, практически каждую неделю или каждый месяц. Именно так ответили 65% участников опроса. Однако такая ситуация далеко не однозначна. Так всего 1% респондентов г. Советская Гавань, сел Некрасовка и Тополево, около 2% жителей сел Корфовский и Матвеевка и порядка 9% из п. Березовка встречаются каждую неделю. Несколько больше местных жителей встречается с мигрантами реже – только каждый месяц. Таких представителей из числа респондентов оказалось в п. Березовка и Тополево порядка по 4%, в п. Корфовский – около 3%. 34% от общего числа респондентов уверяют, что они не общаются с мигрантами вообще или очень редко. В п. Корфовский и Тополево такие ответы получены у 3% их населения. Около 1% опрошенных от общего числа опрошенных (330 чел.) высказали затруднения по вопросам частоты общения с мигрантами.

Респонденты отметили, что если им приходится встречаться с трудовыми мигрантами ежедневно, то они их видят на уборке и при выполнении других жилищно-коммунальных услуг, на строительных и дорожных работах, в торговле и общественном транспорте, сельском хозяйстве, кафе, ресторанах и гостиницах, на работе по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.).

Город Хабаровск и Хабаровский край в целом относятся к территориям, не вызывающим особую тревогу по преступности. Тем не менее, все респонденты уделили свое внимание данному вопросу. Поэтому вполне реально, что более половины участников опроса (56%) считают, что нет особых различий по уровню преступности местного населения и мигрантов. Именно такого мнения придерживаются респонденты, имеющие высшее образование (66%). Но, между тем, четвертая часть от общего числа респондентов, участвующих в опросе, уверена в

¹ Хабаровчан стало 616 тысяч // Тихоокеанская звезда. 2017. 17 мая.

том, что все-таки на долю мигрантов приходится большая часть преступлений, зарегистрированных в городе. Не сталкиваясь с такой проблемой, около 9% респондентов воздержались с ответом на этот вопрос. Результатом такого понимания является и тот факт, что из всех трехсот респондентов, рассматривающих эту проблему, большинство не видит разницы в масштабах преступлений местного населения и мигрантов, считают для себя правильным не поддерживать пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов (54% участников опроса), а те респонденты, что считают большее участие мигрантов в преступлениях готовы поддержать акции или пикеты против иностранных трудовых мигрантов (23%). В результатах исследования подмечен такой факт: никто из представителей азербайджанской, армянской, белорусской и корейской национальности не поддержали бы акции или пикеты против иностранных трудовых мигрантов; 53% лиц русской национальности тоже придерживаются такой позиции, но 24% готовы принимать участие в протестных акциях. У 12% участников опроса всех национальностей, видимо, никогда не задумывающихся и не сталкивающихся с этой проблеме ответ на этот вопрос вызвал затруднения. В отношении проблемы «поддерживать – не поддерживать» акции или пикеты против иностранных трудовых мигрантов в процессе исследования вырисовался еще один важный и интересный момент: те из респондентов, кто редко опасается потерять работу, или, напротив, часто, поддерживали бы пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов (соответственно 30 и 23%) и, напротив, оказался больший удельный вес тех, кто, несмотря на вероятность потери рабочего места, не проявляют намерений поддерживать протестные пикеты или акции (51 и 41% соответственно). Часть респондентов независимо от того редко или часто возникают сомнения о стабильности работы. Не высказали своего мнения относительно поддержки или игнорирования таких пикетов и акций соответственно 8 и 14% респондентов. Довольно интересен такой факт, выявленный в процессе исследования: из тех респондентов, что предпочли бы выехать в другой регион России, 23% поддержали бы протестные акции, но более чем вдвое больше тех (48%), кто выступает против такой поддержки.

Иностранных работников в Хабаровском крае в 2015 г. зарегистрировано более 24,6 тыс. чел. и сальдо миграции со странами СНГ составило 5,2 тыс. чел. Естественно, что многие из них прибыли семьями, а потому заинтересованы в получении образования для своих детей. Отдельных школ и классов для них, безусловно, нет. Дети мигрантов обучаются совместно в классах с детьми местных жителей. Все респонденты высказали свое мнение относительно такой практики обучения детей. Их мнение с позиции местного населения оказалось неоднозначным относительно проблемы совместного обучения своих детей с детьми мигрантов. Значительная часть респондентов оценила такую ситуацию отрицательной (41%) и точно такая же доля участников опроса относятся к обучению детей местных жителей и мигрантов вполне нейтрально. 13% респондентов считают совместное обучение детей мигрантов и местных жителей положительной ситуаци-

ей. Незначительная часть респондентов (всего около 4%) не определилась с ответом на этот вопрос.

Хабаровский край включен в программу по переселению соотечественников. Но население неоднозначно относится к тому, кого назвать соотечественниками. Из общего числа респондентов большинство (42%) считают, что статус соотечественника могут иметь только бывшие граждане СССР. Довольно значительная часть участников опроса (33%) склонны считать соотечественниками и тех, кто владеет русским языком. Но у 13% респондентов есть мнение, что соотечественниками могут быть и лица других, отдельных национальностей. К сожалению, в процессе опроса анкетерам не удалось уточнить, о каких национальностях в данном случае идет речь. Толерантность ко всем лицам, находящимся в сообществе, видимо, явилось причиной того, что 11% респондентов воздержались высказать свое мнение по данному вопросу.

Большинство респондентов (52%) считают, что прибывшие к нам мигранты должны знать русский язык, а потому поддерживают необходимость его изучения (93%). Кстати, знание русского языка сейчас требуется законодательно при приеме мигрантов на работу. В Хабаровском крае организовано пять пунктов по программе изучения русского языка с последующей сдачей экзамена. Это достаточно дорогостоящий процесс и потому 19% респондентов считают, что мигранты должны самостоятельно рассчитываться за такие занятия. Но некоторые участники опроса (22%) считают обязательным знанием языка только для тех мигрантов, кто намерен остаться жить в России. 5% респондентов вообще не поддерживают идею обучения мигрантов русскому языку. При этом очень малая доля тех респондентов (0,33%), которые считают, что въезд в Россию без знания русского языка вообще должен быть запрещен. Как относиться к знанию (незнанию) языка приезжих, 1,7% респондентов однозначного ответа дать не смогли, а потому воздержались от своей оценки о необходимости знания языка страны приема мигрантов. Вопрос необходимости знания или изучения русского языка вызвал разные мнения респондентов в соответствии с их пониманием относительно редкого или частого их сомнения относительно устойчивости на рабочем месте. Те, кому приходится редко задумываться над этой проблемой (62%) считают знание русского языка иностранными трудовыми мигрантами, и, прежде всего теми, кто собирается жить в России, обязательно. Меньшая доля тех респондентов (38%), кому приходится чаще задумываться о сохранении своего рабочего места. Но в том и другом случае респонденты придерживаются мнения, что мигранты должны самостоятельно рассчитываться за обучение русскому языку, то есть их мнение здесь лишний раз подтверждается ситуации приема на работу со знанием языка принимающего сообщества.

Но кроме языка мигранты должны быть знакомы с местными традициями и культурой. 88% респондентов считают, что нужно информировать мигрантов о местных культурных нормах. Получить эти знания мигранты, как считают 42% респондентов, можно путем привлечения мигрантов к участию в общественной

жизни. Такое же количество участников опроса считает, что для этого необходимо раздавать им информационные листовки и приглашения на общественные мероприятия. Но 6% респондентов не знают, как решать эту проблему, а 5% считают, что вообще ничего не надо делать. Но вместе с тем, респонденты, хотя их очень минимальная доля (0,33%) от общего числа участников опроса, считают, что от мигрантов следует требовать соблюдение традиций и культуры принимающего сообщества и даже ввести необходимость (0,33% ответивших) сдавать экзамен по знанию норм и правил традиций и культуры страны входа.

В последние годы широко развивается туризм. Туристическое взаимодействие осуществляется не только со странами, откуда прибывают иностранные трудовые мигранты. Из стран СНГ прибывают к нам трудовые мигранты, но туристическое взаимодействие с ними мало развито. Дальневосточники, в том числе жители Хабаровского края предпочитают выезжать на отдых, прежде всего, в страны Юго-Восточной Азии и страны Европы. Поскольку в крае в этом плане достаточно спокойная ситуация, то и респонденты ответили соответствующим образом: нейтральное отношение к туризму – 48% ответивших участников опроса, положительно – 38%, отрицательно – 13%. Преобладающее туристическое партнерство жителей Хабаровского края относится в основном к странам Юго-Восточной Азии, поскольку из стран СНГ приезжают в основном из государств Средней Азии, куда туристических потоков практически нет или очень мало.

Одной из популярных сфер деятельности, как отмечено выше, является занятость иностранных мигрантов в кафе, ресторанах. Местные жители довольно активно посещают такие заведения с национальной кухней, а потому почти половина респондентов (46%) дали положительную оценку появления таких заведений; при этом самую высокую оценку дали те респонденты, кто отметил свое материальное положение как хорошее (67% из всех, кто оценивал материальное положение). Несколько меньше (41%) участников опроса относятся к занятости иностранных мигрантов в кафе, ресторанах нейтрально и всего 13% – отрицательно, даже при условии их хорошего материального положения. Респонденты с затруднительным материальным положением к занятости иностранных мигрантов в кафе, ресторанах равнозначно ответили как положительно, нейтрально и отрицательно. Всего один человек из 300-х ответивших об этой стороне деятельности мигрантов оказался не готовым к ответу на данный вопрос.

Местное население положительно относится к организации в городе и в крае мероприятий по обучению приготовления национальной кухни, художественным промыслам, танцам. Стоит отметить, что такие мероприятия проводятся в местах массового нахождения местных жителей, функционируют национальные ансамбли, которые выступают на эстрадной площадке в парке на набережной Амура, которые собирают много посетителей. Поэтому не случайно, что почти половина участников опроса дали высокую оценку (46%) и 40% относятся к таким мероприятиям нейтрально и только 11% отрицательно. Всего 3% респондентов, кто,

видимо, не был уверен в правильности возможного ответа, а потому вообще воздержался дать оценку этой деятельности.

Респонденты в своем большинстве отнеслись нейтрально (52%) к желанию местного населения изучать языки соседних стран, а 37% считают это положительным явлением, 9% – отрицательным. Заметим, в г. Хабаровске многие изучают китайский и японский языки. Около 2% участников опроса воздержались ответить на вопрос о необходимости знания языка государств соседних стран. По всей вероятности, им не приходилось сталкиваться и в перспективе они не видят необходимости хотя бы понимать язык соседних государств. По мнению респондентов, жители Хабаровского края в общении с друзьями и знакомым используют только родной язык. Так ответило 94% респондентов. В семье они также пользуются русским языком, хотя 6% респондентов отметили, что пользуются, кроме русского другим, национальным языком. В общении вне семьи 7% участников опроса отметили, что они испытывают негативное отношение к себе из-за национальности (из общего числа 9% мужчин и 6% женщин), 4% из-за незнания русского языка (из них 6% мужчин и 2% женщин), 3% из-за религии (из них 4% мужчин и 3% женщин). Но 84% респондентов сказали, что они не испытывают никакого негативного отношения к себе (в т. ч. 81% мужчин и 86% женщин). Около 3% респондентов отметили, что они стесняются пользоваться своим родным языком. Поэтому респонденты отмечают (8%), что даже те, у кого родной язык не русский, не общаются на своем национальном языке, поскольку окружающие не знают другого языка, кроме русского. 5% участников опроса отметили, что у них два родных языка, двое сказали, что у них более двух родных языков. Но при этом родным русским языком считают практически все респонденты, 6% назвали два родных языков и 2% указали на три и более родных языков, в том числе владение украинским (1,3%), армянским (1,7%), корейским (0,7%) и др. Видимо, в зависимости от национальности респондента, исследование показало, что в общении с друзьями, в семье 22% участников опроса пользуются украинским языком, 5% армянским, до 6% корейским языком и др. Тем не менее, из владеющих несколькими языками 96% респондентов родным языком назвали русский, 1,3% – армянский, 0,7% – украинский и 0,7% – корейский. В общении около 4% респондентов не назвали причины, почему они не общаются с окружающими на родном языке.

В общении с прибывающими в город (край) иностранными гражданами, значительное число местных жителей используют иностранные языки. Можно практически с уверенностью сказать, что знание языка, как русского, так и языка страны выхода мигрантов, безусловно, способствует ускорению интеграции иностранных граждан в принимающее сообщество. Подтверждением тому можно считать тот факт, что респонденты, испытывающие даже редкое предчувствие потери работы, уверены, что иностранные трудовые мигранты не испытывают к себе негативного отношения ни по языку, ни по национальности, ни по религии. Исследование показало, что респонденты все же иногда пользуются языком дру-

гой национальности. Так, из числа тех, кто общается с мигрантами каждую неделю используют другой язык, кроме русского, 17%; при ежемесячном общении другой язык (кроме русского) использует 11% респондентов. Если общение с иностранными мигрантами бывает редким, то 28% участников опроса иногда используют другой язык (не русский). В основном, как показал опрос, как бы часто или редко происходит общение с иностранными мигрантами общение в основном происходит на русском языке. Именно поэтому, как показали результаты опроса, местное население заинтересовано в обучении прибывающих к нам мигрантов русскому языку (см. выше).

Респонденты дали довольно высокую (42%) положительную оценку настрою местных жителей на интеграцию с мигрантами; 45% участвующих в опросе считают, что настрой местных жителей на интеграцию с мигрантами нейтральный. Можно сделать вывод, что г. Хабаровск и Хабаровский край обладают в высокой степени толерантностью.

Видимо, знание языка, взаимоотношения с населением разной национальности, определили собственное восприятие себя на территории проживания. 74% респондентов считают, что их должны воспринимать как гражданина страны, 16% – как представителя отдельной (своей) национальности, а 14% – как жителя определенного региона (Хабаровского края). Но вместе с тем исследование показало, что респонденты – представители других национальностей – украинцы, белорусы, дагестанцы, корейцы, узбеки считают, что их должны воспринимать как гражданина страны. И это очень позитивно с точки зрения формирования интеграционного потенциала. Из 16% респондентов, кто бы хотел позиционировать свой статус как представитель отдельной национальности, до 20% – лица в возрасте 55–59 лет, 13% – 30–34 года и столько же в возрасте 60–64 года. Не задумывались о своем статусе, а потому воздержались от ответа по данному вопросу 2,3% респондентов.

В когорту участников опроса попали представители разного материального положения. Только 7% сказали, что их материальное положение хорошее. К их числу относятся преимущественно респонденты крупного города; 25% участников опроса отметили свое материальное положение как нормальное в целом. Но и здесь преобладают участники опроса из города. Больше половины респондентов (53%) отметили, что их материальное положение затруднительное, а у 13% тяжелое. В том и другом случае – представители городского поселения. Такое соотношение по уровню материальной обеспеченности статистически можно признать в определенной степени необоснованным, поскольку в опросе преобладали жители крупного в Хабаровском крае города. Но вот что можно признать истиной, так это тяжелое материальное положение занятых в сельском хозяйстве (80%), строительстве и дорожных работах (60%). Такая материальная обеспеченность формирует мотивацию миграционного поведения. Но попавшие в выборку респонденты разных национальностей по-разному оценивают свое материальное благополучие. Участники опроса русской национальности считают: у 6% материальное благопо-

лучше хорошее, у 24% – нормальное, у 55% – затруднительное, у 14% – тяжелое и только у 1% из представителей русской национальности в мотивации материального положения у него получилось затруднение; все респонденты азербайджанской национальности считают свое благополучие хорошим; мнение армян поделилось поровну – 50% считают обеспечение хорошим и столько же нормальным; представители белорусской национальности относят себя к обеспеченным на нормальном уровне; евреи считают, что находятся в затруднительном положении; 40% украинцев считают свое материальное положение нормальным, а 60% – затруднительным; мнение корейцев тоже разделилось – 50% находится в нормальном положении, а другие 50% считают свое положение затруднительным; участники опроса мордовской национальности полностью отнесли себя к тяжелому материальному положению.

Хабаровский край относится к территориям с максимально низким показателем безработицы. Поэтому не случайно, что 41% ответивших не опасаются или редко думают о возникновении ситуации потери работы, у 13% респондентов вообще не возникает такого опасения. Между тем, у пятой части участников опроса (22%) постоянное тревожное состояние от опасения потерять работу. 2% респондентов об этом не задумываются. Видимо, у каждого здесь своя мотивация.

Преобладающая часть респондентов (96%) проживает в Хабаровском крае более десяти лет. 81% из них считают свое материальное положение как хорошее. Заметим, что среди проживающих в крае не более 10 лет 1% и только 5% из их числа оценивают свое материальное положение как хорошее. 2% респондентов прожили в Хабаровском крае не более пяти лет и 9% из них имеют хорошее материальное обеспечение. 1% из числа попавших в выборку прожили в крае менее года. Из числа проживших в крае 2 года и менее только 5% указали на хорошее материальное положение. Население, прожившее в крае менее 10 лет не относится к числу постоянного и может оказаться в числе потенциальных мигрантов. Этот факт может быть подтвержден довольно низкой долей их оценки своего материального положения. Из числа не родившихся в крае 15% прибыли из других регионов России, в том числе из дальневосточных субъектов РФ. В частности, среди опрошенных оказалось до 5% прибывших из Амурской области, по 3% – из Сахалина и Республики Саха (Якутия), 2% – из Приморского края. 1% респондентов – жители из других государств, в том числе бывших союзных республик СССР. Число родившихся в крае от общего числа респондентов достигает 84%. Но оказалось, что преданность своему краю проявляют только 61%, у которых нет намерений сменить место жительства. Хорошее материальное положение из них отметили 33%, нормальное – 59%. Они все в месте своего проживания общаются с трудовыми мигрантами ежедневно. 21% респондентов желают переехать в другой регион России, их предпочтения распределились следующим образом: Москва – 23%, Санкт – Петербург – 25%, Краснодар – 9%, Сочи – 8%. Правда, среди респондентов оказались и те, кто предпочел бы внутрирегиональное перемещение и уехал из Хабаровского края в Амурскую область (9%), на Сахалин (4%), и даже

в Якутию (2%). Из желающих уехать в другой регион России 33% отметили свое материальное положение при жизни в крае как хорошее и 17% как нормальное. Из желающих уехать в другой регион России 14% общаются с трудовыми мигрантами ежедневно, а 19% никогда с ними не общались. Уехать в другой регион России в большей степени предпочли бы занятые на уборке и жилищно-коммунальном хозяйстве (87% ответивших), немногим меньше предпочли бы другой регион России занятые в строительстве и дорожных работах; 59% от занятых в сельском хозяйстве и 53% работающих в кафе, ресторанах и гостиницах. Выявлен в процессе исследования еще такой факт, что уехать в другой регион России 5% предполагают из-за языка, 6% из-за наличия другой национальности и 5% из-за другого вероисповедания нежели в районе современного проживания. 3% респондентов планируют уехать в другую страну. Их оценка материального положения иная, нежели чем у тех респондентов, кто намерен переехать в другой регион страны. Только 10% из них оценили свое материальное положение как хорошее и 3% как нормальное. Из них 7% общаются с трудовыми мигрантами ежедневно, а 3% никогда не общались; у 15% нет твердого убеждения остаться или покинуть Хабаровский край. Следовательно, краю необходимо реализовать мероприятия во избежание миграционного оттока населения.

В процессе исследования выявлена далеко не позитивная ситуация для демографического развития края. В другой регион России предполагают выехать 14% респондентов в возрасте 15–19 лет, 11% – в возрасте 20–24 года, 8% – в возрасте 25–29 лет, 17% – в возрасте 30–34 года, 11% – в возрасте 35–39 лет, 12% – в возрасте 40–49 лет, 25% – в возрасте 50–59 лет и 2% – в 65–69 лет. Столь же неблагоприятная для края ситуация складывается по числу желающих покинуть край в пользу других стран: 37% – в возрасте 20–29 лет, 25% – в возрасте 30–34 года, 25% – в возрасте 50–59 лет и 13% – в возрасте 65–69 лет.

Если судить из ответов респондентов о материальном положении, то в возрасте 18–29 лет свое материальное положение оценивают как хорошее 43% участников опроса. Такая же доля ответивших о материальном положении у участников опроса в возрасте 30–59 лет, в возрасте 60 лет и старше такую оценку дали только 9%, а в возрасте менее 18 лет – 5% из общего числа респондентов. Из всех попавших в выборку рабочих материальное обеспечение как хорошее отметили 43%. Из числа тех, кто учится такая оценка у 14%, из числа пенсионеров такую оценку дали только 10%. Считают свое материальное положение хорошим 5% безработных и столько же занятых в домашнем хозяйстве. Чувствуют свое материальное положение нормальным 33% из числа опрошенных в возрасте 18–29 лет, 57% в возрасте 30–59 лет и 9% в возрасте старше 60 лет.

Проведенное исследование предусматривало услышать и в дальнейшей работе использовать мнение респондентов о сути изучения конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений. Далеко не все респонденты сформулировали свое отношение к подобной работе. Но есть вполне резонные, актуальные выводы и предложения. Среди высказанных

мотивов можно отметить следующие: «не против мигрантов, если они соблюдают законы, традиции страны, в которую они приехали, и ведут себя достойно, чувствуя, что они в гостях», «нет плохой национальности и религии, есть плохие люди», «проблема мигрантов и местного населения существует. Нужны серьезные государственные решения», «нужна совершенно другая миграционная политика», «работать нужно не с мигрантами, а с местным населением» и др.

Результаты обследования свидетельствуют как о невысокой степени «тревожности» в крае с точки зрения вероятности конфликтов на почве миграции, так и о необходимости более глубокого изучения миграционного поведения населения и разработки стандартных реакций управленческих структур на возможные конфликтные ситуации, а также о необходимости выработки механизмов повышения интеграционного потенциала местного населения.

Глава 4

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Сложившееся состояние периферийного пространства характеризуется низкой привлекательностью в качестве места постоянного жительства и инвестирования. Это определяет задачи органов государственной власти субъектов РФ по созданию современного облика сельских поселений, превращению их в места жительства с благоприятными условиями жизнедеятельности сельского населения. Практика советского периода и современных процессов свидетельствует, что сложившаяся дифференциация в развитии населенных пунктов усиливается, сопровождаясь сохранением и обострением проблем, приводящих к деградации сети поселений, развитию депопуляционных и деструктивных процессов.

Изменение существующей практики невозможно без полноценного учета неоднородности расселенческих структур региона, особенностей ситуации в муниципальных районах¹. Важная роль в оценке происходящих процессов принадлежит районированию сельских территорий, определению особенностей сети и систем мест проживания. Ниже приводятся результаты оценки происходящих в Амурской области процессов трансформации сети населенных пунктов в муниципальных районах с учетом изменений в их людности.

В формировании научных подходов к изучению сельского пространства значительную роль сыграли, выполненные еще в советские годы, работы Т.И. Заславской, С.А. Ковалева, Г.М. Лаппо, Б.С. Хорева. В современный период развитию теоретических представлений способствуют исследования А.И. Алексеева, В.С. Белозерова, Т.Л. Бородиной, О.Б. Глезер, Н.В. Зубаревич, Д.Н. Лухманова, Т.Г. Нефедовой, А.А. Ткаченко и др.

Социально-демографические аспекты сельского расселения выделились в самостоятельное направление исследований. Наряду с оценкой общих тенденций²

¹ Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды ИПН РАН / под ред. А.Г. Коровкина. М.: МАКС пресс, 2009. С. 688–712.

² Зубаревич Н.В. Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия «География». 2013. № 3. С. 26–38; Куница М.Н. Современный кризис сельского расселения староосвоенных регионов центра России: демографический аспект // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика :

широкое распространение получают исследования процессов, происходящих в отдельных региональных системах сельского расселения¹.

Особо следует отметить большую группу ученых, занимающихся комплексными проблемами развития села и сельского расселения, в числе которых А.А. Афиногенова, Е.Е. Горяченко, Г.В. Иоффе, З.И. Калугина, Т.Г. Нефедова, Л.В. Родионова, А.М. Сергиенко, А.П. Фукс и др.

Информационной базой послужила сформированная база данных на всю совокупность поселений, существовавших на территории области на момент переписи населения 1970 г. Точками отсчета изменений явились переписи населения 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., а также данные текущей статистики населения до 2016 г. При этом в базе фиксировались принадлежность к природно-географической зоне, административный статус поселения, его удаленность от поселенческих центров более высокого уровня, хозяйственная специализация размещаемых производств, статус размещаемого хозяйственного подразделения и изменения численности населения.

Региональная система расселения на всем протяжении заселения претерпевала существенные изменения, главными чертами которых, согласно переписям населения, было развитие процессов урбанизации, сокращение числа населенных пунктов и снижение демографического потенциалов существовавших сельских поселений.

В итоге трансформаций в региональной системе расселения доля сельского населения составила 32,7%, что существенно больше, чем в среднем по Дальневосточному федеральному округу. Это во многом обусловлено аграрной специализацией региона, отсутствием крупных промышленных объектов. Основная часть городов области мелкие и, наряду с поселками городского типа, сохраняют черты сельской застройки (*табл. 4.1*).

В рассматриваемый период, начиная с переписи населения 1939 г., число сельских населенных пунктов сокращалось высокими темпами (*табл. 4.2*).

Так, в период 1939–1959 гг. в области исчез 861 сельский населенный пункт, возникло вновь 221 поселение. При этом в северной и северной таежной зонах исчезло 548 поселений (63,6%), в основном мелких и мельчайших – казарм, зимовьев, сторожек, лесозаготовительных участков и т. п.

сб. научн. ст. Смоленск: Универсум, 2011. С. 486–491; Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.

¹ Мичурина Ф.З., Теньковская Л.И., Мичурин С.Б. Устойчивое развитие сельских территорий : учебное пособие / М-во с.-х. РФ, федеральное гос. бюджетное образов. учреждение высшего образования «Пермская гос. с.-х. акад. им. акад. Д.Н. Прянишникова». Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2016. 293 с.; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.

Таблица 4.1

**Численность и удельный вес сельского населения Амурской области
(по данным переписей населения)**

Год	Сельское население, тыс. чел.	Городское население, тыс. чел.	Удельный вес сельского населения в общей численности, %	Удельный вес городского населения в общей численности, %
1959	289,2	426,7	40,4	59,6
1970	303,7	489,2	38,3	61,7
1979	327,8	608,7	35,0	65,0
1989	336,0	714,2	32,0	68,0
2002	308,4	594,4	34,2	65,8
2010	275,5	554,6	33,2	66,8
2016	263,5	542,2	32,7	67,3

Источник: составлено по данным Амурстата.

Таблица 4.2

Динамика числа сельских населенных пунктов Амурской области, ед.

Территория	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2016
Амурская область, всего	1613	963	739	666	612	608	602	601
в том числе:								
южная зона	421	311	249	244	222	223	223	223
центральная зона	395	333	230	211	205	202	198	199
северная зона	397	213	141	113	102	98	98	96
северная таежная и горно-таежная зоны	400	106	119	98	80	85	82	83

Источник: составлено по данным Амурстата.

В дальнейшем подвижность системы расселения имела тенденцию к снижению. В 1959–1970 гг. с карты области исчезло 310 и возникло 91 поселение. На долю двух северных зон приходилось 42,9% исчезнувших поселений, или 133 населенных пункта. Общее количество сельских поселений составило в 1970 г. 739, в том числе в южной и центральной зонах – 479 (65,2%).

В 1970-е гг. в области возникло 35 новых населенных пунктов (большинство в ходе строительства БАМа) и ликвидировано 107. В результате общее число поселений уменьшилось на 70 и достигло к моменту переписи 1979 г. 665 ед.

В 1980-е гг. процесс сокращения числа сельских поселений продолжился, но в значительно меньших, чем в предыдущие периоды, масштабах. Исчезло 56 поселков, а появилось вновь 8. При этом на севере этот процесс шел более активно – если в целом по области число поселков уменьшилось на 53, то в двух северных зонах – на 29.

В 1989–2002 гг. система расселения области претерпела незначительные изменения – исчезло 16 поселений различной величины, а появилось одно. В дальнейшем процесс сокращения числа сельских поселений еще более замедлился.

Анализ происходящих трансформаций в людности сельских населенных пунктов свидетельствует о воспроизводстве в регионе тенденций, выявленных в других регионах страны.

В числе наиболее значимых тенденций в демографических процессах, происходящих в сельском расселении, является «сжатие» числа сельских жителей, снижении плотности населенных пунктов и их людности¹. Если по итогам переписи 2002 г. средний размер сельских населенных пунктов региона составил 512 чел., то в 2010 г. – 473 чел., а в 2016 г. – 450 чел. В наибольшей мере этому способствовало существенное снижение численности населения в крупных поселениях, число которых уменьшалось за счет перехода в группировки населенных пунктов с меньшей численностью населения.

Следует особо отметить, что сокращение числа сельских населенных пунктов не отражалось на динамике численности населения. При сокращении числа населенных пунктов по итогам переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., численность сельского населения росла. В последующем, при снижении темпов выбытия сельских поселений, численность сельского населения снижалась, что во многом было обусловлено миграционным оттоком. Его масштабы были наиболее значительными в период между переписями 1989 и 2002 гг. (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Приросты населения Амурской области по компонентам, тыс. чел.

Показатель	1959– 1969	1970– 1978	1979– 1988	1989– 2002	2002– 2010	2011– 2015
Общий прирост, всего	77,0	143,6	113,7	–147,4	–72,7	–23,0
в том числе:						
город	62,5	119,5	105,5	–119,8	–39,8	–11,8
село	14,5	24,1	8,2	–27,6	–32,9	–11,2
Общий прирост за счет:						
естественного прироста	106,1	89,3	111,4	–3,1	–21,5	–1,8
миграционного прироста	–29,1	54,3	2,3	–144,3	–51,2	–21,2

Источник: составлено по данным Амурстата.

Как показывает практика, наибольшие возможности удерживать население, и даже наращивать численность, имеют наиболее крупные поселенческие центры, имеющие высокий административный статус и многоотраслевую экономику². Такую способность проявил областной центр и второй по числу жителей город Приамурья. Доминирующее положение в регионе позволило нивелировать закрытие основной части крупнейших предприятий за счет формирования и заполнения но-

¹ Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 20–25.

² Дьяченко В.Н. Тенденции развития регионального комплекса социальной инфраструктуры // Актуальная статистика Сибири. 2013. № 2. С. 87–95.

вых ниш занятости. Эту роль сыграли, прежде всего, торговля и инфраструктурные отрасли, где стремительно открывались малые предприятия, и формировался слой индивидуальных предпринимателей. Особо значимую позитивную роль сыграло открытие безвизового туризма с Китаем, превратившегося в мощный канал, по китайской терминологии, «народной торговли», в которую включилось с большей, или меньшей активностью тысячи, если не десятки тысяч людей.

Сокращение численности сельского населения происходит с сохранением значительных различий в разных частях региона. В наименьшей мере оно затронуло южную зону, где в 2016 г. численность сельского населения составила 93,0% от имевшегося в 1989 г. В горно-таежной и центральной зоне потери были более значительны, составив 22,4 и 22,2% соответственно. Наибольшее снижение численности сельских жителей произошло в северной зоне – 48,7% (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Изменение численности сельского населения Амурской области, %

Показатель	2002/1989	2010/2002	2016/2010	2016/1989
Амурская область	86,0	91,9	97,1	76,7
в том числе:				
город	83,2	93,3	97,8	75,9
село	91,8	89,3	95,6	78,4
в том числе по зонам:				
южная зона	104,5	91	97,7	93,0
центральная зона	91,2	87,3	96,4	76,8
северная таежная и горно-таежная зоны	92,9	91,8	91	77,6
северная зона	65,8	85,2	91,4	51,3

Источник: составлено по данным Амурстата.

Оценивая складывающуюся ситуацию, следует отметить влияние на происходящие демографические процессы уровень плотности сети расселения, заселенности региона.

Одной из важнейших характеристик системы расселения региона является слабая заселенность, низкий уровень освоенности значительной части территории региона. При общей плотности населения 0,5 чел./км², в южной зоне она составила 13,8 чел./км², в центральной – 5,9 чел./км², в горно-таежной – 1,2 чел./км², а в северной – 0,5 чел./км².

В северной зоне, занимающей около 60% территории области и включающей в себя г. Тынду, г. Зею, Зейский, Селемджинский и Тындинский районы, проживало на период переписи 2010 г. только 12,7% численности населения. Значительная часть северных районов не заселена и покрыта лесами, составившими в Селемджинском районе 76,8% территории, в Тындинском – 69,5%, в Зейском –

65,5%. Густота сети населенных пунктов в этих районах составила 0,03 населенных пункта на 10000 км².

В соответствии с типологией экономических микрорайонов¹ в Амурской области Зейский, Зея (Зейский) и Селемджинский (Селемджинский) экономические микрорайоны отнесены к типу I резервный.

Остановимся более подробно на оценке ситуации, складывающейся в тех районах региона, где снижение численности населения было наиболее значительным.

Устойчивость сети расселения **Селемджинского района**, являющегося центром золотодобывающей промышленности, заготовки древесины и добычи угля, находится в прямой зависимости от состояния сырьевой базы. Одной из наиболее острых проблем в районе, существенно сказывающейся на его привлекательности как места постоянного жительства, является низкая транспортная доступность. Систематически происходящие подъемы рек, образование наледей сопровождаются отсутствием транспортного сообщения между населенными пунктами района и другими районами региона (табл. 4.5).

Таблица 4.5

**Распределение населения Селемджинского района
по населенным пунктам с разной численностью жителей, %**

Группировка населенных пунктов	1970	1979	1989	2002	2010	2016
Мельчайшие (до 50 жителей)	—	0,2	0,2	0,4	0,5	9,9
Мелкие (51–100 жителей)	—	—	0,8	0,4	0,5	—
Средние (101–500 жителей)	8,6	9,3	6,4	14,4	17,7	19,9
Крупные (501–1000 жителей)	26,6	17,5	14,4	24,7	17,5	19,9
Крупнейшие (свыше 1000 жителей)	53,8	61,3	69,2	49,6	53,3	41,1
Райцентр	11,0	11,7	9,0	10,4	10,4	9,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средняя численность населения, чел.	911,7	873,7	1258,2	787,2	775,9	755,3

Наибольший уровень численности населения района был зафиксирован в ходе переписи населения 1989 г., который был выше уровня 1979 г. в 1,6 раза. При этом в наибольшей степени рост численности коснулся крупнейших (свыше 1000 жителей) населенных пунктов, что привело к увеличению средней людности поселений района с 911,7 до 1258,2 чел., а доля населения, проживающего в крупнейших поселениях, увеличила до 69,2%.

¹ Лейзерович Е.Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.

Кризисные процессы 1990-х гг. болезненно отразились на демографической ситуации в районе: 6 населенных пунктов потеряли от 10 до 30% численности населения, 7 – от 30 до 50% и 2 – более 50%. Средняя людность поселений снизилась до 787,2 чел.

В целом за период с 1989 г. по 2016 г. потери численности населения района составили 47,5%. При этом устойчивость населения имела тенденцию к увеличению и, хотя до периода переписи населения 2010 г. отток жителей района сохранился, но стал существенно менее значительным. Численность населения в 2010 г. составила 98,6% от уровня 2002 г. Текущий учет 2016 г. зафиксировал численность населения, составившую 90,8% от уровня 2010 г.

Зейский район является самым крупным по площади районом области. К 1970 г. здесь сложилась структура населенных пунктов, в которой значительную долю составляли поселения, входящие в тип «мельчайшие населенные пункты (до 50 чел.)» и составляющие 22,6% общего числа населенных пунктов района. При этом из 53 поселений только 4 имели численность свыше 1000 чел. Это обусловило относительно невысокую среднюю численность населения, составившую 470 чел. (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Распределение населения Зейского района по населенным пунктам с разной численностью жителей, %

Группировка населенных пунктов	1970	1979	1989	2002	2010	2016
Мельчайшие (до 50 жителей)	0,4	0,4	0,2	0,2	0,5	0,3
Мелкие (51–100 жителей)	1,3	0,3	0,2	0,6	0,6	1,5
Средние (101–500 жителей)	23,1	20,9	6,0	22,4	26,0	29,6
Крупные (501–1000 жителей)	27,0	19,6	22,4	29,5	26,5	22,5
Крупнейшие (свыше 1000 жителей)	48,2	58,8	71,2	47,2	46,4	46,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средняя численность населения, чел.	470,0	658,7	1129,3	631,1	526,5	496,2

Наиболее интенсивно изменения в структуре поселений происходили в период между переписями 1970 и 1979 гг. Численность населенных пунктов сократилась с 53 до 37. В этот период прекратили существование 12 населенных пунктов, являвшихся центрами золотодобывающей промышленности, среди которых основную часть составляют мельчайшие и мелкие участки приисков. Аналогично сложилась судьба мелких лесопунктов и периферийных подразделений сельскохозяйственных предприятий. При этом создавались новые, более крупные населенные пункты с размещением подразделений золотодобывающей промышленности и лесозаготовок. Как следствие, средняя численность населения к 1979 г. увеличилась до 658,7 чел. и к 1989 г. до 1129,3 чел.

Последующие годы стали периодом деградации экономики и поселенческой сети района, приводящей к значительному измельчанию поселений, средняя численность населения в которых к 2016 г. составила 496,2 чел.

Завитинский район относится к числу 3 муниципальных образований, численность населения в которых за период 1989–2016 гг. уменьшилась более чем на половину.

Основу экономики района составляет железнодорожный транспорт, строительство и сельское хозяйство.

Численность населенных пунктов в районе претерпела существенные изменения, сократившись с 30 в 1970 г. до 25 в 2002 г. и 22 в 2010 г. (табл. 4.7).

Поселенческую структуру района к началу 2017 г. образуют 21 сельский населенный пункт и 1 город районного подчинения, входящие в состав 9 муниципальных образований, сконцентрированных больше к югу возле железной дороги при очаговом характере расселения.

Сложившееся увеличение численности населения в период между переписями 1979–1989 г. (117,5%), сменилось резким спадом, пришедшимся на период с 1989 по 2002 гг. когда потери численности населения составили около трети (32,8%). Темпы снижения численности населения, как и миграционный отток, имели в дальнейшем тенденцию к снижению, сохранившись в период 2010–2016 гг. на достаточно высоком уровне, когда потери составили 8,2%.

Таблица 4.7

Распределение населения Завитинского района по населенным пунктам с разной численностью жителей, %

Группировка населенных пунктов	1970	1979	1989	2002	2010	2016
Мельчайшие (до 50 жителей)	0,1	0,2	0,4	0,3	0,8	1,1
Мелкие (51–100 жителей)	1,5	0,7	0,5	0,8	0,8	0,0
Средние (101–500 жителей)	18,3	14,8	12,2	22,6	20,1	25,1
Крупные (501–1000 жителей)	9,8	15,6	13,2	5,8	6,5	0,0
Крупнейшие (свыше 1000 жителей)	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Райцентр	70,3	68,7	73,7	70,5	71,9	73,9
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средняя численность населения, чел.	886,3	947,8	1202,4	807,9	725,9	666,5

Обращает на себя внимание, что почти три четверти населения района (71,9%) сосредоточена в районном центре. Существовавшие еще в 2010 г. крупные населенные пункты перешли в разряд средних, а мелкие – в разряд мельчайших. В итоге произошедшего измельчания средняя численность населения сельской периферии снизилась с 329,1 в 1989 г. до 182,5 в 2016 г.

Наибольшие потери численности населения произошли в селах, где дислоцировались отделения и бригады сельскохозяйственных предприятий и железнодорожные бригады.

Ромненский район относится к числу наиболее проблемных по складывающейся демографической ситуации. К 2016 г. район потерял 46,6% численности населения, имевшегося в 1989 г. При этом отрицательное миграционное saldo все последние годы сохраняется на высоком уровне. Его коэффициент колеблется от –26,7 в 2011 г. до –16,9 в 2015 г.

Столь значительная отрицательная динамика во многом обусловлена сложившейся в районе системой расселения. Одной из наиболее значимых ее черт является мелкоселенность. С 2015 г. 29 населенных пунктов района объединены в 9 сельских поселений. Тем самым, 20 населенных пунктов не имеют на своей территории сельсоветов. Среди них 9 относится к мельчайшим населенным пунктам, имеющим менее 50 жителей, еще 3 являются мелкими с численностью населения до 100 жителей. Таким образом, почти половина населения района проживает в мелких и средних населенных пунктах (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Распределение населения Ромненского района по населенным пунктам с разной численностью жителей, %

Группировка населенных пунктов	1970	1979	1989	2002	2010	2016
Мельчайшие (до 50 жителей)	–	0,1	0,3	0,5	2,9	2,9
Мелкие (51–100 жителей)	–	0,6	1,5	2,6	2,9	2,9
Средние (101–500 жителей)	42,5	33,5	25,8	38,7	41,2	40,7
Крупные (501–1000 жителей)	20,7	19,5	25,1	9,2	0,0	0,0
Крупнейшие (свыше 1000 жителей)	17,7	24,5	17,9	19,1	20,2	19,4
Райцентр	19,1	21,8	29,4	30,0	32,8	34,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средняя численность населения, чел.	490,6	514,9	509,7	394,1	324,2	291,1

Население района в полной мере испытывает на себе низкую доступность услуг, предоставляемых региональными центрами обслуживания. Районный центр, насчитывая на начало 2017 г. 2887 чел., невелик по своим размерам, и, соответственно имеет существенные ограничения в спектре услуг, которые может представлять жителям района. В тоже время он находится в 198 км от областного центра, что затрудняет доступ к его инфраструктурным возможностям.

Итогом сложившейся в районе ситуации является деградация и без того неблагоприятной сети расселения. Средняя численность населения, составившая в 1979 г. 514,9 чел., снизилась к 2010 г. до 324,2 чел., и в 2016 г. составила 291,1 чел.

В Архаринском районе, имеющем площадь 14,6 тыс. км², на начало 2017 г. проживает 14,8 тыс. чел. Северо-восточная часть, на которую приходится две трети территории района, не заселена. Лесистость района составляет 54,2%.

Система расселения носит мелкодисперсный характер и состоит из райцентра, где проживает 60,2% населения района, 3 крупных (501–1000 жителей), 13 средних (101–500 жителей), 11 мелких (51–100 жителей) и 20 мельчайших (до 50 жителей) населенных пунктов, среди которых 10 населенных пунктов насчитывают менее 10 жителей.

Основу экономики района составляют железнодорожный транспорт и сельское хозяйство. Кроме этого в районе ведутся лесозаготовки и деревообработка.

До 1989 г. развитие экономики района обеспечивало рост численности населения. Причем, если в период между переписями населения 1970–1979 гг. прирост численности происходил за счет мелких и мельчайших населенных пунктов, то в следующий период с 1979 по 1989 гг. увеличение происходило во многом за счет крупных населенных пунктов (табл. 4.9).

Таблица 4.9

Распределение населения Архаринского района по населенным пунктам с разной численностью жителей, %

Группировка населенных пунктов	1970	1979	1989	2002	2010	2015
Мельчайшие (до 50 жителей)	0,2	0,8	0,9	1,1	1,7	2,0
Мелкие (51–100 жителей)	0,9	2,0	2,1	4,4	4,2	5,7
Средние (101–500 жителей)	31,8	26,5	17,5	20,2	18,4	17,1
Крупные (501–1000 жителей)	11,2	12,9	19,4	17,8	20,0	16,9
Крупнейшие (свыше 1000 жителей)	18,4	15,6	13,5	5,0	0,0	0,0
Райцентр	37,4	42,2	46,5	51,5	55,8	58,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средняя численность населения, чел.	430,2	478,5	534,0	430,0	358,0	310,1

В последующие периоды происходил резкий спад численности населения. Потери численности за период между 1989 и 2002 гг. составили 22,6%, а за период с 2002 по 2010 гг. – 18,4%. В дальнейшем темпы снижения численности существенно снизились, сохраняясь, однако на высоком уровне. Потери численности составили за период с 2010 по 2015 г. 9,8%.

Происходящие негативные процессы нашли свое отражение в деградации сети расселения района. Имевшиеся в 1989 г. 3 населенных пункта, относящиеся по используемой типологии к крупнейшим, уже к 2010 г. перешли в более низкую категорию, из 7 крупных к 2016 г. осталось 4, из 23 средних осталось 12. В то же

время число малых населенных пунктов увеличилось с 7 в 1989 г. до 12 в 2016 г., а число мельчайших увеличилось с 10 до 19.

Наибольшие потери численности населения складываются в мелких населенных пунктах, где отсутствуют подразделения каких-либо предприятий, а имеющееся производство ограничивается личными подсобными хозяйствами населения. В населенных пунктах, имеющих сельскохозяйственную специализацию, более значительные потери числа жителей наблюдались в центрах дислокации отделений, бригад сельскохозяйственных предприятий. Происходившая модернизация железнодорожного транспорта имела своим последствием потерей почти 70% численности населения в населенных пунктах с транспортной специализацией производства (табл. 4.10).

Таблица 4.10

**Изменения в численности населения в населенных пунктах
с различной хозяйственной специализацией, %**

Группировка населенных пунктов	2010/ 2002	2010/ 1989	2002/ 1989	2015/ 2010	2015/ 1989
Центральная усадьба сельскохозяйственного предприятия	77,8	58,7	75,4	85,2	50,0
Отделение, бригада сельскохозяйственного предприятия	68,6	54,1	78,9	72,4	39,2
Сельскохозяйственное производство, ограниченное личным подсобным хозяйством	64,0	25,0	39,1	68,8	17,2
Транспортный центр	64,4	35,4	54,9	85,2	30,1
Райцентр	88,4	75,6	85,6	94,4	71,4
Всего	81,6	63,1	77,4	90,2	56,9

Число выбывающих жителей района, будучи наиболее высоким в начале 1990-е гг., хотя и последовательно снижалось, тем не менее, по сравнению с числом прибывших остается заметно больше, определяя высокий уровень отрицательного сальдо миграции. Коэффициент интенсивности сальдо миграции составил в 1991–1995 гг. –28,7‰, в 2001–2005 гг. –76,0‰, в 2011–2015 гг. –97,7‰.

Особого внимания заслуживают трансформации, происходящие на приграничных территориях.

В приграничных муниципальных районах непосредственно в пограничной зоне расположено 60 населенных пунктов, в которых на 01.01.2015 г. проживало 30 741 чел. Эти населенные пункты имеют разный административный статус, экономический профиль, они существенно различаются между собой по величине и удаленности от своих районных центров (два из них являются районными центрами).

Значение приграничного положения региона и населенных пунктов, расположенных непосредственно на границе с Китаем в разные исторические периоды

существенно менялось в зависимости от складывающихся отношений между странами. В 1960–1970 гг. граница с Китаем рассматривалась как фактор риска, оказывая сдерживающее влияние на развитие региона. Статус введенной в этот период пограничной зоны, за счет набора ограничений, существенно усиливал барьерную функцию границы, обеспечивая не только внешнюю, но и внутреннюю изоляцию приграничья.

В настоящее время происходящее сближение двух государств стимулирует все большее формирование тренда на развитие приграничья как трансграничного региона (*borderland*), как единого экономического пространства. В его рамках развитие приграничного сотрудничества является важным инструментом решения целого ряда локальных региональных проблем. Вместе с тем, в положении периферийных населенных пунктов, расположенных в пограничной зоне Приамурья, сохраняются существенные черты изоляционизма, находящие свое проявление, прежде всего, в сохранении всех основных ограничений предыдущего периода.

За период с 1989 по 2010 гг., по итогам переписей населения, потери численности населения составили 25,7%. Ситуация с изменениями в численности населения существенно дифференцирована. В 6 населенных пунктах численность населения уменьшилась более чем на 70%, в 12 – потери составили от 50 до 70%, в 18 населенных пунктах численность уменьшилась с 30 до 50%, в 14 селах численность населения уменьшилась на 10–30%, и только в 5 поселениях произошел рост численности населения.

Влияние фактора изолированности на локальном уровне проявляется через влияние на привлекательность населенного пункта в зависимости от степени удаленности от районного центра¹. Так, если населенные пункты, находящиеся на расстоянии до 20 км от районного центра, за период с 1989 по 2015 гг. потеряли 18,9% численности населения, то в поселениях, удаленных от райцентра более чем на 70 км – 42,1%.

Наибольшее сокращение численности населения произошло в населенных пунктах пограничной зоны, расположенных в наиболее отдаленных от областного центра районах, отличающихся менее благоприятными природно-климатическими условиями. В целом за период между переписями 1970–2010 гг. уменьшение численности населения составило в Сковородинском, Магдагачинском и Шимановском районах от 30 до 50%. Основным источником убыли населения выступает миграционная убыль.

Тем самым, можно констатировать, что формирование негативных тенденций в российском приграничье связано, прежде всего, с действием двух факторов – удаленности от центров и сложившихся ограничений, определяемых имеющимся пограничным режимом.

¹ Дьяченко В.Н. Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 9 (91). С. 26.

Одной из причин формирования негативных тенденций в снижении численности населения региона, высоком уровне миграционного оттока в Амурской области, носящих внеэкономическую природу, является разреженность сети расселения, удаленность населенных пунктов от центров обслуживания населения, низкая их транспортная доступность, ограничивающих для сельского населения доступность и возможности повышения качества и количества получаемых социальных услуг.

Сложившаяся неоднородность пространственного развития сельских районов проявляется в дифференциации системы расселения между южной и северной частями области, между центром региона и удаленными от него периферийными западной и восточной частями.

В числе важнейших тенденций в развитии системы расселения региона является нарастание мелкоселенности, сохранении значительного числа мелких и мельчайших населенных пунктов.

Наименьшей людностью сельских населённых пунктов отличаются Шимановский (239,3), Мазановский (251,1), Михайловский (252,1), Октябрьский (265,4), Ромненский (296,8), Архаринский (322,8) районы. Наибольшей является средняя численность населения в Благовещенском (912,5), Тамбовском (839,7) и Константиновском (789,3) районах.

Важную роль в распространении малых населенных пунктов, ограничении возможностей их развития, играют природные условия, ограничивающие перспективы сельскохозяйственного освоения территории.

Уменьшение численности жителей сельских населенных пунктов, увеличение оттока населения связано, прежде всего, с утратой поселкообразующей базы, которой служили подразделения сельскохозяйственных, золотодобывающих и лесозаготовительных предприятий.

Следствием развития мелкоселенности является повышение значимости районных центров, как центров обслуживания населения. Близость города и более высокий административный статус всегда означают лучшую обеспеченность товарами и услугами, больше возможностей для трудоустройства и для сбыта продукции личного хозяйства, более высокое качество жизни. Сохранение в их числе малых городов и сел, приводит к накоплению различий в условиях жизнедеятельности населения, наращиванию социальной дифференциации жителей, социального неравенства, формируемого по территориальному принципу, самим фактом проживания в тех или иных поселениях.

Малая людность районных центров способствует сохранению коммерчески неэффективного пространства, ограничивая перспективы развития объектов обслуживания, предоставляющих услуги периодического и эпизодического спроса.

Углубление территориальной изолированности, определяемой удаленностью от развитых поселенческих центров, ограничениями в транспортной доступности становится важнейшим фактором депопуляции населения в сельских населенных пунктах.

Особым элементом системы расселения, имеющим черты периферийности и автономности, являются приграничные муниципальные образования. Улучшение демографической ситуации в населенных пунктах приграничья не представляется возможным без изменения режима пограничной зоны.

Сложившаяся ограниченность эндогенных факторов развития значительного числа муниципальных образований, их экономическая несамостоятельность предполагает необходимость создания новых форм, методов и механизмов участия федеральных, региональных и муниципальных органов власти в территориальном управлении.

Глава 5

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ: АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Сложившееся состояние и развитие тенденций углубления территориальных диспропорций свидетельствуют о низкой эффективности региональной государственной политики, возрастании потребностей в ее корректировке, обеспечивающей не только стимулирование развития инноваций, но и укрепление устойчивости в развитии периферийных районов, преодоление их деградации. Многолетняя практика свидетельствует о невозможности персонификации разрабатываемых стратегий, без учета выявленных в ходе научных исследований внутрирегиональных особенностей, складывающихся тенденций в социальных и экономических процессах.

В настоящее время наиболее остро проявляется ограниченность представлений о влиянии на привлекательность для жизни населения особенностей пространственного расположения мест проживания. В данной работе нами делается попытка оценить влияние на миграционную привлекательность для населения муниципальных образований экономических микрорайонов Амурской области.

Источниками данных об изменениях в численности и демографической структуре населения, уровне и характере миграции, являются данные переписей населения и текущего статистического учета с использованием данных обработки листов прибытия и выбытия. Точками отсчета изменений в данном исследовании явились переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., а также данные текущей статистики населения до 2016 г.

С введением в 2011 г. новых правил учета прибывших и выбывших были расширены критерии регистрации долгосрочной миграции. В число включаемых в обработку органами статистики листов прибытия стали включать прибывших по видам и срокам регистрации с выделением в числе прибывших зарегистрированных в новом месте жительства; возвратившихся к месту жительства после временного пребывания на другой территории и прибывшие к месту пребывания на срок 9 месяцев и более с выделением прибывших на срок от 9 месяцев до 1 года, 1 год, 2 года, 3 года, 4 года, 5 лет и более. Тем самым, осуществляемый в стране учет миграции населения позволяет выделить в качестве составляющих территориальных перемещений такие структурные элементы миграционных потоков, как

переезд к новому месту жительства, возвращение к прежнему месту жительства и перемещения к месту пребывания на определенный срок.

Соответственно, в числе выбывших по видам и срокам регистрации выделяются снятые с учета по прежнему месту жительства, выбывшие к прежнему месту жительства из территории временного пребывания по окончании срока и выбывшие из места жительства к месту пребывания. «Выбывшие» к прежнему месту жительства из территории временного пребывания при установленном порядке считаются в так называемом автоматическом режиме – по мере окончания имеющейся регистрации. Можно считать, что такой порядок учета «выбывших» не может значительно отразиться на достоверности учета международной миграции, поскольку нарушение установленного при регистрации срока пребывания чревато значительными последствиями. Что же касается межрегиональной миграции, то здесь, как нам представляется, не исключены весьма существенные искажения как в сторону занижения, так и завышения показателей.

Эти изменения существенно расширили возможности формирования представления о масштабах и характере протекающих процессов долгосрочной миграции населения, что особенно важно для Дальнего Востока, где трудовая миграция с временным пребыванием в местах занятости и возвратная миграция особенно широко распространены. Такая дифференциация мигрантов, в частности, позволяет достичь существенного продвижения в оценке численности прибывающих в муниципальные образования регионов новоселов, при учете числа которых из общего числа прибывающих мигрантов должны быть исключены те, кто возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории и те, кто прибыл к месту пребывания на определенный срок.

Теоретико-методологические аспекты исследования. В современных исследованиях муниципальных образований, для оценки складывающейся в них социально-экономической ситуации, используется широкий круг подходов. Среди них большое распространение получил поиск интегральных характеристик, результатом которого нередко выступают различные типологии. Особого внимания заслуживают группировки, сформированные по территориальному принципу, что обусловлено значительными возможностями их использования в программировании развития регионов, в частности, при развитии их инфраструктурного комплекса.

Как показывает практика, создание универсальной типологии, результаты которой могут быть использованы при решении всего круга задач, возникающих в ходе программирования, вряд ли представляется возможным. Низкая эффективность усилий в этом направлении проявляется в создании целого спектра не сводимых друг к другу списков статистических показателей, применяемых в региональных мониторингах. Это обстоятельство, однако, не умоляет эвристическую ценность разрабатываемых типологий, а лишь подчеркивает их не универсальный характер, наличие необходимости проведения процедур проверки ограничений в возможностях их использования.

Другим направлением в поиске подходов к оценке складывающейся в муниципальных образованиях социально-экономической ситуации являются попытки использования обобщающих показателей. В числе таких попыток можно назвать распространение использования методологии системы региональных счетов (СРС) на субрегиональном уровне, как замыкающего звена в СНС и СРС. Поскольку информационно обеспечить расчеты счета производства, образования доходов, использования располагаемого дохода и операций с капиталом на муниципальном уровне методологически невозможно, делается попытка заменить их счетом производства, в котором балансовым методом определяется валовой муниципальный продукт (ВМП)¹.

При формировании интегральных показателей при разработке типологий социально-экономического развития (СЭР), в качестве алгоритма А.Я. Троцковским предложена трехшаговая процедура: отбор наиболее существенных показателей СЭР территориальной системы; факторная оценка состояния территориальной системы и региональных (внутрирегиональных) различий по отдельным показателям; формирование интегральных показателей характеризующих рассматриваемые территориальные образования².

В числе попыток формирования системы показателей для оценки локальной асимметрии в региональном развитии, позволившей получить наиболее заслуживающие внимание результаты, следует назвать разработку И.Д. Тургель, в рамках которой в основу оценок положены показатели, отражающие динамику производства промышленной продукции, уровень безработицы, уровень среднедушевого розничного товарооборота³.

Наибольшее распространение получили попытки разработки типологий, в основу которых положено использование статистических показателей, характеризующих разные сферы. Так, по мнению Р.И. Малышева, «оценку деятельности территории региона следует проводить по четырем направлениям: уровень жизни; экономическая база муниципального образования; муниципальные финансы; сфера услуг и муниципальное хозяйство, а для исключения влияния размерности показателей и различий в размерах муниципалитетов используются относительные показатели, вычисляются рейтинги по каждому из них и на основании последних методом наименьших квадратов рассчитывается интегральный показатель по каждой сфере»⁴.

¹ Макроэкономическая динамика северных регионов России. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2009. С. 170.

² Троцкий А.Я., Миценко И.В. Исследование пространственных трансформаций в хозяйственной системе региона // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Т. 1. С. 181–187.

³ Тургель И.Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного. Вып. XVI. М., 2000. С. 233–244.

⁴ Малышев Р.Ю. Экономическое районирование в регионе // Проблемы современной экономики. 2007. № 2 (22). С. 224–229.

К числу таких исследований относится и работа И.Н. Меренковой, в которой использованы «стоимость валовой продукции на одного труженика сельскохозяйственного производства; выручку от реализации продукции на одного занятого в сельскохозяйственном производстве; объем розничной торговли на душу населения; рентабельность реализации продукции; затраты на производство продукции на один гектар сельскохозяйственных угодий; коэффициент естественного движения населения районов; долю занятого сельского населения; соотношение среднемесячной заработной платы работников сельскохозяйственных организаций со среднерайонной заработной платой»¹.

Несомненный интерес представляет подход, предложенный в работе Н.В. Ворошилова, где «апробирована методика сравнительного анализа, в которой использованы различные приёмы стандартизации показателей, что позволило оценить уровень социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области и выделить 5 типов территорий на основе расчёта интегрального показателя, агрегирующего 18 исходных статистических индикаторов»².

Другой подход к разработке типологии сельских населенных пунктов предложен Т.И. Заславской. В работе «Социально-демографическое развитие села: региональный анализ» предпринята попытка создания типологии регионов с разным уровнем остроты социальных и экономических проблем, что обусловлено прагматической задачей разработки траекторий развития регионов с учетом особенностей складывающейся в них социально-экономической ситуации³.

Близкий по характеру подход при разработке типологий предложен Б.Л. Лавровским, чей подход нам представляется особенно привлекательным⁴. Принципиальным подходом к классификации АТО является характер возникающих типичных проблем. В основе классификации лежат следующие положения: отказ от тотального ранжирования регионов как по количественным, так и по качественным признакам; использование проблемного принципа региональной группировки; признание выбора объектов федеральной поддержки только на уровне субъектов РФ недостаточным; целесообразность региональной классификации преимущественно на уровне муниципальных образований.

В ходе региональной классификации определяются муниципальные образования или их сочетания, показатели которых резко отличаются от средних.

Процесс региональной классификации включает следующие стадии:

¹ Меренкова И.Н. Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 24. С. 49–55.

² Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 54–69.

³ Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. С. 23.

⁴ Лавровский Б.Л. Экономический рост и региональная асимметрия (эмпирический анализ) / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2005. 215 с.

- идентификация типичных проблем на территории;
- оценка остроты проблем на основе экономических, финансовых, социальных и других показателей;
- группировка муниципалитетов по классам в зависимости от их экономического, финансового, социального, экологического состояния с использованием специальных критериев.

Наше внимание привлекла типология экономических микрорайонов Е.Е. Лейзеровича¹. Этот интерес определяется, как минимум, следующими обстоятельствами.

В ходе проведенного исследования осуществлено районирование муниципальных образований Амурской области, что дает основание оценки его использования при решении возникающих в регионе задач.

Кроме того, по имеющимся оценкам, проведенное Е.Е. Лейзеровичем экономическое районирование, получившее название «районирование Лейзеровича» (далее РЛ) являются наибольшим – из всех выделенных географами – приближением к социальным районам. Именно по районам РЛ осмысленно и оправданно собирать, представлять, анализировать, агрегировать, интерпретировать социологическую информацию; они достаточно полно передают ее разнообразие на хорошем уровне детальности².

Изменения в численности населения и миграционной активности в экономических микрорайонах (ЭМ). Типология экономических микрорайонов (ЭМ) Е.Е. Лейзеровича является одной из наиболее широко признанных типологий, разработанных в экономгеографических исследованиях. Экономические микрорайоны – это внутриреспубликанские, внутрикраевые, внутриобластные территориальные общности, включающие в свой состав, как правило, несколько сельских административных районов, а также, наиболее часто, один или несколько городов вне-районного подчинения.

В соответствии с типологией, ЭМ представляют собой сочетание территориальных хозяйственных микросистем с системами расселения и инфраструктурой – инженерной и социальной. В конкретной действительности это территории, имеющие свое местное хозяйство, достаточно индивидуальное экономическое лицо, определенные производственные фонды и трудовые ресурсы. Для их жителей, за пределами города-центра ЭМ, характерно относительное единство образа жизни и качества жизни³.

¹ Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит, 2004. 131 с.

² Каганский В. Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 81–83.

³ Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 14.

В настоящее время в переработанном виде в ней выделяется 10 типов ЭМ, делящихся на три большие группы (А, Б, В), и дополнительно не входящий ни в одну из этих трех групп тип XI «Курортные районы».

Группа А включает четыре типа ЭМ:

тип I – резервный,

тип II – пионерного экономического развития,

тип III – дисперсного освоения,

тип IV – относительно равномерного экстенсивного освоения. ЭМ этой группы занимают наименее заселенные и освоенные сельским хозяйством территории России.

К типу I – резервному, на территории Амурской области отнесены: Селемджинский ЭМ, включающий в себя Селемджинский район, в котором на начало 2017 г. проживает 1,3% жителей области; Зейский ЭМ, включающий в себя г. Зeya и Зейский район с долей жителей 4,8%.

Ко II типу – пионерного экономического развития на территории Амурской области отнесены: Тындинский ЭМ, включающий в себя г. Тында, Тындинский и Сковородинский районы и сосредотачивающий 9,3% жителей региона; Свободненский ЭМ, включающий в себя г. Свободный, г. Шимановск, г. Циолковский, Свободненский, Мазановский, Шимановский и Магдагачинский районы. Это второй по доли жителей ЭМ, где проживало 16,6% жителей региона.

Группа Б включает в себя те типы ЭМ, территории которых, в отличие от территорий, входящих в типы ЭМ, составляющих группу А, достаточно равномерно заселены и хозяйственно освоены. Доля сельскохозяйственных угодий здесь обязательно превышает, и, в большинстве случаев, намного, 20% от общей площади ЭМ, при этом достаточно велик удельный вес пахотных земель:

тип V – равномерное, чисто сельскохозяйственное, освоение;

тип VI – равномерное, преимущественно сельскохозяйственное, освоение;

тип VII – равномерное сельскохозяйственное освоение, но с заметным развитием промышленности;

тип VIII – преобладание в хозяйстве промышленности малых и средних городов при равномерном сельскохозяйственном освоении территории.

В рамках VIII типа на территории Амурской области выделен Райчихинский ЭМ, включающий в себя г. Райчихинск, Завитинский, Бурейский, Архаринский и Михайловский районы. В этом ЭМИ проживает 12,0% жителей области.

Группа В включает:

тип IX – концентрация хозяйственной деятельности в больших (100–300 тыс. жителей) городах на фоне равномерного освоения территории;

тип X – крупногородской;

тип XI – курортный.

IX тип на территории Амурской области представлен Благовещенским ЭМ, включающим в себя г. Благовещенск, г. Белогорск, Благовещенский, Ивановский, Тамбовский, Константиновский, Белогорский, Ромненский, Октябрьский и Се-

рышевский районы. На начало 2017 г. это был наиболее крупный ЭМ, в котором проживало более половины (56,1%) числа жителей области.

Как видно из приведенных данных, муниципальные образования Амурской области, входящие в различные ЭМ, были существенно дифференцированы по своему демографическому развитию. За период с момента переписи 1959 г. по 2017 г. при общем росте численности населения области на 12,0%, в Благовещенском ЭМ она увеличилась на 54,1%, тогда как в Райчихинском сохранилось только 68,4% численности жителей. Рост произошел в половине ЭМ, имеющих полярные характеристики освоенности (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Изменение численности населения в экономических микрорайонах за межпереписные периоды, %

Экономические микрорайоны	1970 к 1959	1979 к 1970	1989 к 1979	2002 к 1989	2010 к 2002	2017 к 2010	2017 к 1959
Амурская область	110,8	118,1	112,2	86,0	91,9	96,6	112,0
Благовещенский	125,0	115,9	113,4	97,4	95,4	101,0	154,1
Райчихинский	107,2	98,2	105,1	82,7	83,3	89,7	68,4
Свободненский	97,6	105,9	103,8	83,2	91,2	93,3	76,0
Тындинский	89,2	213,0	117,4	67,7	89,7	90,7	122,8
Зейский	119,7	138,8	127,6	66,6	86,0	92,2	112,0
Селемджинский	85,4	110,7	153,5	58,6	98,6	89,3	74,9

Источник: рассчитано по материалам Амурстата.

Наибольший рост численности населения, как и следовало ожидать в соответствии с центро-периферийной теорией, произошел в Благовещенском ЭМ (154,1%), входящем в тип IX, включающий в себя наиболее хозяйственно освоенные и характеризующийся относительно равномерной заселенностью ЭМ с концентрацией хозяйственной деятельности в больших (100–300 тыс. жителей) городах. Прирост числа жителей за период с 1959 по 2017 г., произошел и в Зейском ЭМ (112,0%), входящем в число наименее заселенных и освоенных сельским хозяйством территориям России, отнесенным к типу I – резервный. Это район, где ведутся промышленные лесозаготовки и золотодобыча. Отметим, что Селемджинский ЭМ, относящийся к тому же типу и где таким же образом развивается хозяйственная деятельность, за этот период сохранил только 74,9% численности населения.

Аналогичная ситуация сложилась и в ЭМ, относящемуся ко II типу – пионерного экономического развития. Если в Тындинском ЭМ рост численности населения составил 122,8%, то Свободненский ЭМ потерял 24% первоначальной численности жителей.

Хуже всего сложилась ситуация в Райчихинском ЭМ, относящемуся к VIII типу, важнейшими признаками которого является достаточно равномерная заселенность и освоенность, при существенном развитии промышленности. Отличительной чертой этого типа от типов менее высокого класса освоенности и развитости хозяйственной деятельности – наличием железнодорожного каркаса. При всем этом Райчихинский ЭМ потерял 31,6% численности населения.

Отметим, что в разные переписные периоды динамика изменений численности населения не была равномерной, сочетая периоды роста и снижения численности населения. Причем, каждый из ЭМ имел относительно самостоятельную динамику, не вписывающуюся в общую тенденцию. В развитии региона был только один межпереписной период с 1979 г. по 1989 г., когда рост числа жителей происходил во всех ЭМ, и в подавляющем большинстве муниципальных образований. Наиболее же значительным ростом числа жителей был отмечен период с 1970 по 1979 г., когда в общей динамике выделялись города и районы, связанные со строительством БАМа.

Наибольшими были потери численности населения региона и всех ЭМ в период с 1989 по 2002 г., где сказалась общая слабость и низкая конкурентоспособность экономики региона.

При оценке складывающейся в области ситуации нельзя не учитывать отсутствие гомогенности в ЭМ региона. При том, что только в половине ЭМ отмечается уменьшение численности населения, на уровне муниципальных образований потери численности были в 18 из них, и только в 10 имелся рост числа жителей. Разброс показателей на уровне муниципальных образований является весьма значительным, как в регионе в целом, так и внутри всех без исключения ЭМ. Если в ряде городов рост произошел более чем в два раза, то в 5 сельских районах потери численности населения составили более 40%, а в Шимановском районе сохранилось только 26,8% числа жителей.

В последние годы имевшаяся ранее дифференциация ЭМ сменяется общей демографической деградацией. Вялотекущий отток населения становится преобладающей тенденцией. Более благополучная ситуация в Благовещенском ЭМ держится только на росте численности населения в областном центре и Благовещенском районе. Эта картина демографического благополучия в период с 2010 по 2017 г. дополняется только ростом численности населения в Свободненском районе, вызванном строительством космодрома и предприятий в создаваемой территории опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Как видно из приведенных данных, положительное сальдо миграции сложилось только в Благовещенском ЭМ. Следует отметить, что этот показатель далеко не отражает ситуацию, складывающуюся в отдельных административно-территориальных образованиях этого ЭМ. Положительный уровень коэффициента сальдо миграции в рассматриваемый период имелся только в Благовещенском районе и г. Благовещенске. При этом очень высокий коэффициент сложился только в Благовещенском районе – 54,9, при 5,1 в областном центре. Относительно

небольшим было сальдо миграции в Белогорске (–2,9) и Константиновском районе (–4,5), в то время как в Серышевском, Октябрьском и Белогорском районах коэффициент составил соответственно –13,1, 13,7 и 15,8, а в Ивановском – 24,4 (табл. 5.2).

Таблица 5.2

**Уровень интенсивности миграционной активности
в экономических микрорайонах в 2012–2016 гг.**

Экономические микрорайоны	Коэффициенты интенсивности (на 1000 чел. среднегодового населения)		
	прибытия	выбытия	сальдо миграции
Благовещенский	38,7	37,6	1,1
Райчихинский	33,4	47,0	–13,7
Тындинский	22,0	36,2	–14,2
Свободненский	28,8	37,8	–8,9
Зейский	34,7	45,2	–10,5
Селемджинский	17,6	32,5	–14,9

Источник: рассчитано по материалам Амурстата.

Механизм формирования сальдо миграции в административно-территориальных образованиях, вошедших в данный тип, также существенно различался. Так, если в Благовещенском районе положительное сальдо сложилось при очень высоком значении коэффициента интенсивности миграции по прибытию и средними значениями коэффициента по выбытию, то в Благовещенске коэффициенты по прибытию и выбытию были близки к средним значениям. В Серышевском районе сальдо миграции складывалось при очень высоких значениях коэффициента как по прибытию, так и по выбытию – 73,8 и 86,9 соответственно. В Константиновском и Ромненском районах напротив, уровень миграционной активности был очень низким как по прибытию, так и по выбытию.

Наименьший отрицательный коэффициент интенсивности сальдо миграции сложился в Свободненском ЭМ (–8,9). При этом в основной части административно-территориальных образований (АТП), входящих в этот тип, коэффициент миграции имеет низкое значение при невысоком уровне разброса показателей – от –3,6 в Свободненском районе до – 9,3 в Мазановском районе. Исключение составляет Магдагачинский район, где коэффициент сальдо имеет одно из низких значений по области, составляющее –17,3.

Однако дифференциация миграционной активности и в рамках данного типа является весьма существенной. Так, миграционный оборот в Свободненском районе является одним из наиболее значительных в регионе. Коэффициент интенсивности миграции по прибытию в своих размерах уступает только Благовещенскому району, а по выбытию только Серышевскому. Напротив, в Шимановском районе показатели интенсивности миграции по прибытию и выбытию относятся к числу

самых низких в регионе (18,5 и 24,7). Показатели по прибытию меньше только в двух районах – Селемджинском (17,6) и Тындинском (15,4). Коэффициент интенсивности миграции по выбытию является самым низким в регионе (24,7). Такой разброс значений, на наш взгляд, не позволяет говорить о демографической целостности выделенного типа ЭМ.

Достаточно высокий уровень дифференциации миграционной активности сложился и в Райчихинском ЭМ, где коэффициент сальдо составил –13,7. Во входящих в этот тип Завитинском районе и г. Райчихинске, коэффициент интенсивности сальдо миграции сформировался в рассматриваемый период практически вдвое ниже среднего значения –7,0 и –7,4 соответственно. В тоже время в Бурейском и Архаринском районах он составил –22,0 и –22,6, что было обусловлено высоким уровнем оттока населения. Для оценки масштабов дифференциации отметим, что при коэффициенте интенсивности миграции по выбытию в Завитинском районе – 30,1, в Архаринском он был вдвое выше и составил 61,7.

Для оценки складывающейся ситуации значительный интерес представляет структура миграционных потоков, в частности, показатели отражающие склонность населения к возврату к месту жительства после временного пребывания на другой территории и масштабов привлекательности административно-территориальных образований для временного пребывания.

Отметим, что временное пребывание зачастую является важным элементом социальной мобильности. Выезд на учебу, или в связи с устройством на временную работу за пределами мест постоянного проживания используется людьми как своеобразный трамплин для смены места жительства. При этом показатели внутрирегиональной дифференциации интенсивности возврата к прежнему месту жительства могут использоваться как свидетельство различий в отношении к местам постоянного жительства.

Данные об интенсивности притока населения в населенные пункты региона как к месту временного пребывания характеризуют привлекательность поселений для внешних мигрантов как места временной занятости или учебы (табл. 5.3, 5.4).

Из приведенных данных видно, что различия в интенсивности возврата к прежнему месту жительства в ЭМ региона нельзя признать значительными. Если исходить из того, что временный отъезд используется жителями всех муниципальных образований с примерно равной частотой, то имеющиеся различия в интенсивности возврата говорят о том, что немногим реже к местам прежнего жительства склонны возвращаться жители Благовещенского ЭМ, в котором сосредоточены муниципальные образования с наибольшим уровнем освоенности территории и Селемджинского ЭМ, являющегося наименее освоенным в регионе.

Различия в привлекательности ЭМ как места временного пребывания гораздо более заметны и колеблются от 12,5 промилле в Благовещенском ЭМ до 4,3 в Селемджинском ЭМ и 2,6 в Тындинском ЭМ.

Таблица 5.3

**Уровень интенсивности миграционной активности по прибытию
в экономических микрорайонах в 2012–2016 гг.
(на 1000 чел. среднегодового населения)**

Экономический микрорайон	Коэффициент прибытия	Из общего числа прибывших		
		зарегистрированы в новом месте жительства	возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории	прибыло к месту пребывания, всего
Благовещенский	38,7	19,9	6,4	12,5
Райчихинский	33,4	15,9	9,7	7,7
Тындинский	22,0	11,0	8,5	2,6
Свободненский	28,8	14,1	8,0	6,8
Зейский	34,7	19,6	9,3	5,9
Селемджинский	17,6	6,3	7,0	4,3

Источник: рассчитано по материалам Амурстата.

Таблица 5.4

**Уровень интенсивности миграционной активности по прибытию
в Благовещенском экономическом микрорайоне в 2012–2016 гг.
(на 1000 чел. среднегодового населения)**

Экономический микрорайон	Коэффициент прибытия	Из общего числа прибывших		
		зарегистрированы в новом месте жительства	возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории	прибыло к месту пребывания, всего
Благовещенский	94,0	77,3	5,4	11,3
Серышевский	73,8	44,2	16,3	13,3
Октябрьский	45,0	22,8	11,5	10,7
Белогорский	39,7	24,2	11,1	4,3
Благовещенск	39,0	16,9	4,8	17,3
Ивановский	33,8	16,4	12,1	5,2
Белогорск	30,9	16,4	6,8	7,7
Тамбовский	23,8	10,2	6,0	7,5
Константиновский	21,0	10,2	5,2	5,6
Ромненский	18,4	11,4	4,9	2,1

Источник: рассчитано по материалам Амурстата.

При этом внутри ЭМ ситуация далека от однородности. Обращает на себя внимание, что коэффициент интенсивности возвратившихся к прежнему месту жительства после временного пребывания на другой территории наиболее низок в г. Благовещенске, Благовещенском МО и Ромненском МО, занимающих крайние позиции в привлекательности. Представляется, что в данных показателях отражаются существенно различающиеся процессы. Если для жителей Ромненского

района, где отсутствуют места для получения профессионального образования, выезд на учебу, или на временные заработки наиболее часто используется как этап перемены места жительства, то жители г. Благовещенска и Благовещенского района многократно чаще других могут получать профессиональное образование без смены места жительства, да и возможности трудоустройства без выезда за пределы места жительства здесь существенно выше, чем в других частях области. Соответственно, на снижение показателей интенсивности, в этом случае, в большей мере оказывает влияние не склонность к возврату, а склонность к временному покиданию места постоянного жительства.

К такому выводу склоняют и данные об интенсивности прибытия к месту пребывания. По этому показателю г. Благовещенск абсолютный лидер, демонстрируя наибольшую способность принять временных мигрантов. В то время как Ромненский район имеет по этому показателю предельно низкие позиции.

Как видно из приведенных данных, наиболее широкими возможностями в регионе для принятия временных контингентов рабочей силы обладает на настоящее время Свободненский район. Он существенно выделяется среди других АТО, вошедших в Свободненский ЭМ, где крайне низкое положение по интенсивности прибытия к месту пребывания имеет Мазановский район, обладающий всеми признаками депрессивности. Не лучшие времена, судя по этому показателю, переживают г. Шимановск и Шимановский район (табл. 5.5).

Таблица 5.5

**Уровень интенсивности миграционной активности по прибытию
в Свободненском экономическом микрорайоне в 2012–2016 гг.
(на 1000 чел. среднегодового населения)**

Экономический микрорайон	Коэффициент прибытия	Из общего числа прибывших		
		зарегистрированы в новом месте жительства	возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории	прибыло к месту пребывания, всего
Свободненский	75,8	42,4	12,4	21,0
Магдагачинский	33,8	13,2	12,9	7,7
Шимановск	29,7	17,2	8,6	3,8
Свободный	24,6	10,4	7,3	7,0
Мазановский	19,3	10,4	6,5	2,3
Шимановский	18,5	10,2	3,4	4,9

Источник: рассчитано по материалам Амурстата.

Надо заметить, то в целом города региона, за исключением областного центра, не демонстрируют своей высокой притягательной силы для временной занятости, что соотносится с низким уровнем инвестиционной активности, слабостью ее эндогенных источников и низкой привлекательностью для экзогенных.

Обращает на себя внимание, что как в Благовещенском ЭМ, так и в Свободненском большой разброс показателей, свидетельствующий о низком уровне го-

могенности ЭМ по рассматриваемым показателям привлекательности муниципальных образований региона.

Эти данные, на наш взгляд, позволяют сомневаться в утверждении авторов типологии, что «для жителей, за пределами города-центра ЭМ, характерно относительное единство образа жизни и качества жизни». При всей схожести районов, миграционные траектории в их рамках складываются со значительными различиями, требующими отдельного анализа для их обоснования.

Не сомневаясь в методологической корректности и эвристической ценности рассматриваемой типологии, считаем необходимым отметить нецелесообразность ее использования при выработке региональной демографической политики.

Заключение

Итоги проведенного анализа свидетельствуют не только о наличии и сохранении негативных тенденций в региональных демографических процессах, но и о значительной их дифференциации, находящей свое проявление в деградации значительной части муниципальных образований, формировании депрессивных зон, лишенных источников саморазвития.

Предпринимаемые шаги по развитию экономики региона, созданию «точек роста», способствуют получению позитивных как экономических, так и социальных результатов, которые, однако, в настоящее время не способны изменить ситуацию в большинстве муниципальных районов и сельских населенных пунктов.

В целом в ходе преобразований в муниципальных образованиях сохраняется значительная асимметрия, при которой показатели в крайних позициях, различались в разы и рост значений в одних муниципальных образованиях сопровождался падением в других.

Современное состояние муниципальных образований региона характеризуется значительным их расслоением по уровню социально-экономического развития, привлекательности для жизни населения. Устойчивость различий во времени и пространстве позволяет описывать происходящие процессы как нарастание асимметрии.

Проведенный анализ свидетельствует, что в условиях Дальнего Востока асимметрия в развитии муниципальных образований во многом складывается под влиянием природно-ресурсного потенциала территории, определяющего специализацию размещаемых производственных мощностей, складывающиеся поселенческие структуры и характер заселения.

Определяющую роль в развитии демографических процессов в регионе играли изменения в развитии хозяйственного комплекса региона, реализации на его территории проектов по размещению производительных сил и их модернизации, особенностей реализуемых подходов к хозяйственному освоению территориальных локалитетов, обеспечению создаваемых производств трудовыми ресурсами.

Значительные изменения происходили и в системе расселения региона, в ходе которых численность населенных пунктов, под влиянием различных факторов, последовательно сокращалась. При этом темпы сокращения были наибольшими в начальный период и в дальнейшем последовательно снижались. Главную роль в уменьшении числа мелких и мельчайших поселений играли процессы модернизации в отдельных отраслях экономики региона и реализация проводимой государственной пространственной политики, направленной на сокращения числа неперспективных населенных пунктов.

Низкая привлекательность региона как места постоянного жительства сохранялась на протяжении всего периода хозяйственного освоения. Ее нивелирование требовало использования мер специальной льготной политики без трансформации которой, применительно к рыночным условиям, преодоление проблем в демографическом развитии не представляется возможным. Выбор приоритетов, форм и методов воздействия на трудовую и территориальную мобильность выдвигается в число важнейших задач совершенствования региональной политики.

Особо следует подчеркнуть, что позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии ряда локальных территориальных образований региона и реализация проектов по строительству крупных хозяйственных объектов вызывают значительный рост потребности в трудовых ресурсах. В относительно недалеком прошлом, благодаря проводимой государственной политике преференций, кадровый дефицит покрывался за счет переселений и имеющей массовый характер временной трудовой миграции из других регионов страны. Как показывает практика последних лет, реализация как частных, так и государственных проектов осуществляется с использованием жестких ограничений по затратам в том числе и на рабочую силу, что не позволяет рассчитывать на массовый приток кадров из европейских регионов страны.

Помимо прочих последствий, такая практика приводит к тому, что новостройки региона и создаваемые новые производства становятся центрами притяжения для трудовых ресурсов региона, формируя отток населения из мест со сниженной инвестиционной активностью, а также, в первую очередь, из сельской местности, где занятость в сельском хозяйстве связана с низкими заработками.

Тем самым «точки роста» являются одним из важнейших факторов нарастания тенденций деградации в ближайшей периферии и формирования зон демографической пустыни.

Разрешение демографических проблем региона, в силу существенных различий в их протекании в разных его частях, множественности факторов, на них воздействующих, не имеет единого решения.

Проведение селективной политики предполагает, что внимание к созданию и развитию «точек роста», территориальных анклавов «опережающего развития» не должно превращаться в фактически единственный элемент активной региональной политики. На региональном и муниципальном уровне не меньших усилий требует разработка и реализация мер по уменьшению аномальных диспропорций, формированию механизмов развития территориальных аутсайдеров и осуществления воздействий компенсаторного характера, снижающих негативные социальные последствия гиперполяризации пространства.

При сравнении показателей миграционной подвижности населения было выявлено, что в наибольшей мере привлекательность поселений как места постоянного жительства определяется не только условиями жизни непосредственно в населенном пункте, но и уровнем доступности товаров и услуг на обеспеченность которыми определяющее влияние оказывает состояние опорных центров расселе-

ния, их территориальной удаленности и транспортной доступности для населения периферийных поселений.

Существенное улучшение уровня обустроенности мелких сел в обозримой перспективе не представляется возможным, а во многих случаях является не целесообразным. Тем самым, по мере роста значения для населения сферы обслуживания, спектра предоставляемых услуг, повышается значение транспортной доступности опорных центров расселения для осуществления маятниковых поездок за эпизодическими и периодическими услугами и развития сети обслуживания по заказам, сделанным через сеть интернет. Наибольшая эффективность организации общественного обслуживания сельского населения может быть достигнута путем формирования рационально организованной системы центров межселенного обслуживания.

Особого внимания заслуживают трансформации, происходящие на российско-китайской границе, непосредственно в пограничной зоне. Используемый без изменений до настоящего времени набор ограничений, существенно усиливал барьерную функцию границы, обеспечивая не только внешнюю, но и внутреннюю изоляцию расположенных вдоль Амура поселений, во многом предопределяя их деградацию, потерю привлекательности как места жительства и развития предпринимательства.

Очевидно, что значительная часть проблем периферийных муниципальных образований во все большей мере должна преодолеваться за счет мер, осуществляемых за их пределами, на межрайонном и региональном уровне, что требует внесение существенных изменений в систему статистических расчетов уровня обеспеченности населения услугами инфраструктурного комплекса, практику территориального стратегического планирования и проведения и подходы к разработке и реализации пространственной политики в целом.

Перестройка статистического учета предполагает дополнение данных о наличии инфраструктурных элементов на конкретной территории показателями доступности услуг, обеспечиваемых их предоставлением в различных формах.

Список литературы

- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С.* Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6. С. 54–69. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.5.
- Дьяченко В.Н.* Пространственная дифференциация условий жизни как фактор привлекательности российско-китайского приграничья // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 9 (91).
- Дьяченко В.Н.* Тенденции развития регионального комплекса социальной инфраструктуры // Актуальная статистика Сибири. № 2. 2013. С. 87–95.
- Дьяченко В.Н.* Современные тенденции трансформации процесса заселения Приамурья // Наука – XXI век : сб. мат-лов междунар. науч. конф. 2015. С. 167–177.
- Зубаревич Н.В.* Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 3. С. 26–38.
- Изотов Д.А., Мотрич Е.Л.* Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61–83.
- Каганский В.* Районирование Лейзеровича: трудный подарок социологу // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 81–83.
- Куница М.Н.* Современный кризис сельского расселения староосвоенных регионов центра России: демографический аспект // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика : сб. научн. ст. Смоленск: Универсум, 2011. С. 486–491.
- Лавровский Б.Л.* Экономический рост и региональная асимметрия (эмпирический анализ) / ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2005. 215 с.
- Лейзерович Е.Е.* Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84–125.
- Лейзерович Е.Е.* Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит, 2004. 131 с.
- Лейзерович Е.Е.* Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 14–28.
- Макроэкономическая динамика северных регионов России / отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2009. 336 с.
- Мальшев Р.Ю.* Экономическое районирование в регионе // Проблемы современной экономики 2007. № 2 (22). С. 224–229.
- Меренкова И.Н.* Диагностика уровня развития сельских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 24. С. 49–55.
- Мичурина Ф.З., Теньковская Л.И., Мичурин С.Б.* Устойчивое развитие сельских территорий : учебное пособие / М-во с.-х. РФ, федеральное гос. бюджетное образов. учреждение высшего образования «Пермская гос. с.-х. акад. им. акад. Д.Н. Прянишникова». Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2016. 293 с.
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б.* Миграция в Пермском крае: опыт анализа на региональном и муниципальном уровнях // Научные труды ИПН РАН / под ред. А.Г. Коровкина. М.: МАКС пресс, 2009. С. 688–712.

Мотрич Е.Л. Трансформация миграционных процессов на Дальнем Востоке России // Социологическое образование: достижения, проблемы и пути развития : сб. науч. тр. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2014. С. 160–166.

Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153. DOI: 10.14530.2017.3.133-153.

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.

Татаркин А.И. Социально-экономический статус срединного региона России // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 21–39.

Щербаков Д. Неостановленное бегство // Восток России. 2018. 24 января. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neostanovlennoe-begstvo/> (дата обращения: январь 2018).

Рейтинг регионов по качеству жизни – 2016 / РИА РЕЙТИНГ. 2017. 20 февраля. URL: <http://riarating.ru/regions/20170220/630056195.html> (дата обращения: март 2017).

Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980. 342 с.

Трейвиш А.И. «Сжатие» пространства: трактовка модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан, 2010. С. 20–25.

Троцкий А.Я., Мищенко И.В. Исследование пространственных трансформаций в хозяйственной системе региона // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2 (86). Т. 1. С. 181–187.

Тургель И.Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. Опыт России и Белоруссии / под ред. М.А. Портного. Вып. XVI. М., 2000. С. 233–244.

Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.

Regional Development and Planning / Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge: MIT Press, 1964. 722 p.

Научное издание

Бурлаев Е.А., Дьяченко В.Н., Мотрич Е.Л., Феценко Н.В.

НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Под редакцией академика РАН *П.А. Минакира*

Ответственная за выпуск *Л.А. Самохина*

Сдано в набор 16.04.18. Подписано к печати 14.05.18.

Формат 60х90/8. Уч.-изд. л. 4,2.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrin.ru